Под чёрным крестом

Книга III

Цена могущества

Аксель Панцер

Аксель Панцер

Под черным крестом. Книга 3. Цена Могущества

«Автор»
2026

Панцер А.

Под черным крестом. Книга 3. Цена Могущества / А. Панцер — «Автор», 2026

Орден достиг вершины могущества — и именно теперь начинается его самый опасный путь. После десятилетий побед, богатства и безупречно работающей государственной машины Тевтонский орден сталкивается с противниками, которых уже нельзя сломить одним ударом. Витовт, Ягайло, Жемайтия, Польша и Литва сходятся в узле, где дипломатия, вера, амбиции и война становятся неразделимы.«Цена могущества» — третья книга исторического цикла «Под чёрным крестом». Это роман о государстве, которое привыкло побеждать и впервые узнаёт предел собственной силы. От борьбы за Жемайтию и походов на Вильну — к Великой войне 1409–1411 годов, Грюнвальду, осаде Мариенбурга и Торуньскому миру.Здесь нет простых злодеев и безошибочных героев. Есть власть, расчёт, страх, долг, решения, за которые приходится платить дорого. Роман основан на реальных исторических событиях.

© Панцер А., 2026
© Автор, 2026

Аксель Панцер
Под черным крестом.
Книга 3. Цена Могущества

ПОД ЧЁРНЫМ КРЕСТОМ
Книга третья. «Цена могущества»
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ГОСУДАРСТВО ИЗ ВОЙНЫ
1283–1343
Аксель Панцер
ПРОЛОГ
ВОЙНА, КОТОРАЯ НЕ ЗАКОНЧИЛАСЬ
1283 год

Поздняя осень пришла в Судовию рано. Ночью подмораживало лужи, днём земля снова становилась тяжёлой, чёрной, цепкой. В низинах держался туман. На дорогах оставались глубокие следы телег, коней и босых ног. Люди уходили на восток.

Скурдо ехал не первым и не последним. Он держался сбоку от длинной, неровной колонны, потому что оттуда было видно больше. На телегах лежали мешки, связки одежды, деревянная посуда, несколько сундуков. Везли детей и тех, кто уже не мог идти сам. Остальные шли пешком. Скот гнали отдельно, но стадо становилось меньше с каждым днём: часть животных забивали, часть теряли в лесу, часть просто не выдерживала дороги.

Никто не называл это переселением. Для такого слова в происходящем было слишком мало порядка.

Судовия проиграла.

Сказать это вслух Скурдо пока не мог. Не из гордости. Слова делали случившееся окончательным. Пока люди шли, пока за спиной оставались знакомые леса, можно было представить, что это ещё один уход перед большим ударом, ещё одна зима в чужом месте, после которой мужчины вернутся. Но он видел пустые дворы и поля, куда уже некому будет выйти весной. Видел дома, подожжённые самими хозяевами, чтобы не оставить их врагу. Видел женщин, которые не оглядывались, потому что боялись остановиться. У развилки пожилой мужчина спросил:

— Далеко ещё?

Скурдо посмотрел на дорогу.

— До литовской земли недалеко.

— Я спрашивал не об этом.

Скурдо понял.

— Не знаю.

Старик кивнул, будто именно этого ответа ждал, и пошёл дальше. За Неманом были земли, где можно было искать защиту. Литовские князья принимали тех, кто был способен служить, воевать, работать. Не из милости. Люди нужны были всем. Особенно тем, кто понимал, что белые плащи рано или поздно придут и туда.

Скурдо знал: часть судовов останется. Кто-то согласится креститься. Кто-то примет новую власть ради земли, семьи, возможности жить там, где родился. Он не осуждал их так легко, как несколько лет назад. Человеку, ведущему ребёнка за руку, трудно объяснить, почему смерть достойнее подчинения. Но сам он уходил.

На одном из подъёмов колонна остановилась. Телега застряла между корнями. Мужчины навалились на колесо, лошадь рванула, дерево хрустнуло. Ребёнок на телеге заплакал. Жен-

щина прижала его к себе. Скурдо помог вытолкнуть повозку, потом поднялся на пригорок. Отсюда ещё была видна земля, которую они оставляли. Тёмный лес. Полоса воды. Дым где-то далеко.

Он не знал, чей это дым. И уже не хотел знать. К вечеру нашли место для ночёвки возле узкого ручья. Люди разошлись между деревьями, стараясь укрыться от ветра. Кто-то поставил котёл. Кто-то собирал мокрые ветки, надеясь, что огонь всё-таки возьмётся. Женщины вытряхивали из одежды детей грязь и сухие листья. Мужчины молча проверяли, не потерялся ли кто на последнем переходе.

Скурдо обошёл лагерь. У одной телеги сидела молодая женщина с двумя детьми. Старший мальчик держал в руках деревянную фигурку коня. Игрушка была грязной, с отломанным ухом.

— Откуда? — спросил Скурдо.

Женщина не сразу поняла. Он показал на фигурку.

— Отец сделал.

— Где он?

Она посмотрела в сторону, откуда пришли. Ответа не требовалось. Скурдо присел возле мальчика.

— Береги.

Тот крепче сжал коня.

— Мы вернёмся?

Скурдо почувствовал, как женщина напряглась. Он мог сказать то, что говорят детям взрослые, когда сами ничего не знают. Скоро. Весной. Когда закончится война. Но ложь показалась слишком тяжёлой для этого вечера.

— Сейчас нам надо дойти, — сказал он.

Мальчик нахмурился, недовольный ответом. Скурдо поднялся. У костра двое мужчин спорили, стоит ли оставить одну телегу. У лошади опухла нога, дорога впереди становилась хуже. На телеге лежало то, что семья сумела вынести из дома.

— Если бросим, всё пропадёт, — говорил хозяин.

— Если не бросишь, пропадёт лошадь.

Скурдо не вмешивался долго. Потом сказал:

— Возьмите то, что понесёте. Остальное оставить.

Хозяин смотрел на сундук.

— Там вещи моей матери.

— А на другой телеге твои дети.

Мужчина закрыл глаза. Утром сундук остался возле дороги. Снег ещё не выпал, но на крышке уже лежал тонкий белый иней. К полудню дорога вывела людей к широкой воде. Здесь колонна остановилась снова. Несколько семей уже стояли у берега, споря, ждать ли лодок или идти выше по течению. Вода была холодной, быстрой; возле камней держалась тонкая корка льда.

Скурдо спешился и прошёл вдоль берега. Лодок не хватало даже для детей и стариков. Телеги целиком переправить было невозможно. Мужчины начали разбирать поклажу ещё раз, и теперь никто не спорил, что дорого, а что дёшево. Решение принимала вода. Один из воинов, шедших со Скурдо ещё с последних боёв, подошёл, держа за повод двух коней.

— За рекой нас примут?

— Тех, кто способен держать оружие, примут.

— Я не про нас.

Он кивнул в сторону женщин и детей. Скурдо посмотрел туда же.

— Примут и их.

— Ты уверен?

— Нет.

Воин помолчал.

— Тогда зачем ведём?

Скурдо повернулся к нему.

— Назад хочешь?

Тот отвёл взгляд. Назад означало не дорогу. Назад означало выбрать человека, перед которым придётся склонить голову, принять крещение, отдать оружие, назвать себя подданным новой власти и надеяться, что обещания победителя окажутся крепче человеческой памяти. Некоторые уже выбрали именно это. Накануне от колонны отделились три семьи. Старший мужчина подошёл к Скурдо и сказал, что его младший сын ранен, жена не выдержит ещё недели дороги, а за ними остались дом и земля. Он не просил разрешения. Просто сообщил.

— Они предложат крещение, — сказал тогда Скурдо.

— Знаю.

— И службу.

— Знаю.

— А если переселят?

Мужчина долго смотрел на него.

— Тогда хотя бы буду знать, что сам повернул.

Скурдо не остановил. Теперь, стоя у воды, он снова думал об этих людях. Раньше уход казался ему единственным достойным выбором. Дорога быстро учила различать достоинство и возможность выдержать ещё один день. Первой в лодку посадили старуху, которая почти не ходила. Потом детей. Мужчины переплывали рядом с лошадьми или держались за борта. Телеги разбирали, часть колёс и жердей связывали в плоты. Один мешок с зерном сорвался в воду. Хозяин бросился за ним по пояс, но течение уже потащило мешок вниз. Его удержали за плечи.

— Пусти!

— Там зерно!

— А здесь ты.

Мешок исчез в серой воде. На другом берегу разводили огонь и пересчитывали людей. Оказалось, пропала девочка лет шести. Мать кричала, что ребёнок был рядом перед переправой. Мужчины вернулись. Нашли девочку за кустами: она спряталась, увидев воду, и уснула, прижавшись к корням дерева. Когда её принесли к матери, Скурдо впервые за весь день услышал смех. Короткий, почти болезненный, но всё-таки смех.

Он отвернулся к реке. За ней начиналась не новая жизнь. Пока только новая земля. Этого было достаточно. Тем же временем к западу от Немана другой человек смотрел в ту же сторону. Конрад фон Тирберг Младший стоял на высоком берегу вместе с несколькими братьями. Внизу медленно текла река. Ветер тянул от воды холодом. Конь рядом переступал, желая уйти с открытого места.

За спиной Конрада лежала Пруссия, которую Орден покорял больше полувека. Земли, где когда-то восставали целые области, теперь были разделены между замками, епископствами, новыми поселениями и старой прусской знатью, принявшей власть победителей. В Судовии сопротивление догорало. Один из братьев спросил:

— Дальше?

Конрад посмотрел на противоположный берег.

— Дальше Неман.

Он сказал это без торжества. Река не была границей, за которой начиналась пустота. За ней жили люди, стояли укрепления, проходили дороги. Там была Литва — большая, подвижная, ещё языческая страна, умеющая уходить от удара и возвращать его там, где не ждут. До сих

пор литовцы приходили в Пруссию. Теперь Пруссия могла стать землёй, откуда будут ходить к ним. Конрад спустился к коню.

— Найти людей, которые знают переправы.

— Пруссов?

— Тех, кто знает реку.

На следующий день к Конраду привели троих проводников. Двое были пруссами из земель, давно подчинённых Ордену. Третий — судов, недавно сложивший оружие вместе с родственниками. Его крестили всего несколько недель назад, и новое имя ещё не вытеснило старого даже в записях. Конрад не спросил, почему тот сдался. После проигранной войны у каждого находилась своя причина жить.

На стол положили грубую схему реки: не карту, а изгибы, леса и отметки возле мест, где человек когда-то переходил воду.

— Здесь? — Конрад показал на один из поворотов.

Судов покачал головой.

— Летом глубоко.

— Зимой?

— Если мороз долгий.

— Дорога к берегу?

— Для коня. Не для телеги.

Один из братьев недовольно сказал:

— Нам не телеги туда вести.

Проводник посмотрел на него.

— А обратно?

В комнате стало тихо. Конрад едва заметно улыбнулся.

— Именно поэтому он здесь.

До вечера они разбирали берег: где лес подходит к воде, где высокий мыс, где можно спрятать небольшой отряд, где жители держат лодки, где чаще появляются литовские люди. Ни одного приказа о походе Конрад не отдал. Сначала он хотел знать землю. Долгая война начиналась не с трубы и не со знамени, а с человека, который пальцем показывает на изгиб реки и говорит, что весной там не пройти.

Брат кивнул. Вечером в замке начали составлять первые списки проводников. Проверяли, где можно пройти зимой, где берег слишком крут, где болота тянутся до самой воды. Никто ещё не называл это планом новой большой войны. Пока это были дороги, броды и имена людей. На востоке Скурдо вёл своих дальше.

На западе люди Конрада отмечали путь к Неману. Между ними лежала река. И ни одна сторона не считала её последней границей.

ГЛАВА 1
ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Поздняя осень 1283 года

Конрад фон Тирберг Младший принял власть ландмейстера Пруссии в момент, который со стороны можно было назвать победой. Внутри Пруссии победа выглядела иначе. Утро начиналось не с труб и благодарственных молитв, а с людей у двери. Один привёз жалобу на границу земель. Другой просил зерно для гарнизона. Третий сообщал, что в бывшей судовской области пустуют деревни и непонятно, кому передавать пашню. Четвёртый требовал подтвердить старую грамоту, потому что местный комтур хотел увеличить повинность.

Конрад слушал. Пятьдесят лет войны оставили Ордену не только землю. Они оставили обязанность сделать эту землю управляемой. Первым разбирали спор двух прусских держателей. Оба были крещены ещё при прежнем ландмейстере, оба служили Ордену и оба показывали грамоты, в которых граница описывалась по-разному. Писарь разложил документы.

— Здесь ручей.

— Он изменил русло, — сказал один из спорящих.

— А здесь старая дорога.

— Дороги больше нет.

Конрад поднял глаза.

— Земля есть?

Оба посмотрели на него.

— Есть.

— Тогда найдём границу на земле, а не в споре. Комтуру выехать с двумя свидетелями. До решения никто не рубит лес и не пашет спорную полосу.

Один хотел возразить.

— Если сосед нарушит?

— Тогда потеряет больше, чем хотел получить.

Этого хватило. Следующим вошёл человек из замкового хозяйства. На стол легли цифры зерна, овса, сена. Зима обещала быть обычной, но обычная зима тоже требовала расчёта.

— Восточным замкам не хватает фуража.

— Почему?

— Коней стало больше.

— Людей?

— Тоже.

Конрад провёл пальцем по списку.

— Перевести часть запасов из западных складов.

— Дорога тяжёлая.

— Поэтому везти сейчас, пока не встала.

Он задержался на одном названии.

— Здесь хотят строить новый пост?

— Да.

— Дорога к нему весной?

— Есть зимний путь.

— Я спросил про весну.

Молчание. Конрад отодвинул лист.

— Не строить там, куда зимой можно прийти, но весной нельзя привезти хлеб.

Война учила людей любить высоту, узкий проход, хороший обзор. Управление заставляло помнить о телеге. К полудню появился другой спор. Крещёные пруссы жаловались, что с них требуют больше военной службы, чем было установлено прежней грамотой. Комтур объяснял:

— Земля опасная. Нам нужны люди.

— Нужны, — согласился Конрад.

— Значит, повинность следует увеличить.

— Если грамота подтверждена, не следует.

Комтур нахмурился.

— Тогда кто будет защищать замок?

— Договоритесь о новой службе.

— Они потребуют льготы.

— Вероятно.

— Это награда за отказ служить.

Конрад посмотрел на него.

— Нет. Это цена слова, которое Орден уже дал.

Комтур промолчал. Для пограничного человека ответ был неудобен. Но Конрад видел опасность иначе. Землю можно завоевать мечом. Удерживать её десятилетиями приходится ещё и тем, что обещание имеет вес.

После полудня Конрад выехал за стены. Ему показывали земли, где прежние селения стояли почти пустыми. Возле одной деревни остались только несколько стариков и семьи тех, кто уже согласился принять новую власть. Дома были целы не все. В одном дворе зияла крыша. Поле рядом осталось невспаханным. Комтур говорил о переселенцах.

— Весной можно привести семьи из Кульмской земли.

Конрад смотрел на пустые полосы пашни.

— Сколько местных останется?

— Пока неясно.

— Тогда сначала выяснить.

Комтур удивился.

— Земли достаточно.

— Дело не в земле.

Он указал на колодец, возле которого стояла пожилая женщина.

— Если привести новых людей и не знать, какие права уже обещаны старым, получим спор раньше первого урожая.

Они подъехали ближе. Женщина узнала белые плащи и выпрямилась. В руках у неё было ведро. Конрад спросил через переводчика, сколько семей осталось. Она назвала.

— Остальные ушли?

— Кто ушёл. Кто умер. Кто в Литве.

— Вернутся?

Женщина посмотрела на него так, будто вопрос был глупым.

— Если смогут.

Конрад не стал спрашивать дальше. Возвращаясь в крепость, он сказал комтуру:

— Не заселяйте пустое так, будто там никогда никого не было.

— Но если они вернутся с оружием?

— Тогда это другой разговор.

Он не произнёс вслух, что именно такие разговоры Пруссия знала слишком хорошо. На следующий день Конрад увидел другую сторону победы. К воротам подошёл обоз из Судовии. Не те, кто уходил к Литве, а люди, подчинившиеся Ордену. Среди них были недавно крещённые семьи и несколько воинов, сложивших оружие. Их собирались переселить дальше на запад, туда, где легче было наблюдать за ними и одновременно дать землю для хозяйства.

Колонна выглядела почти так же, как колонны беглецов: дети на телегах, женщины рядом, мешки, скот, лица людей, не знающих, где будут спать через неделю. Различался только путь. Конрад прошёл вдоль обоза. Один пожилой судов смотрел на белый плащ без страха, но и без покорности.

— Куда нас ведут? — спросил он через переводчика.

— К морю.

— Это далеко.

— Да.

— Там наша земля?

Конрад не стал отвечать формулой о землях Ордена.

— Там вам дадут землю.

— Это не то, что я спросил.

Переводчик замялся, но передал.

— Нет, — сказал Конрад. — Не ваша.

Старик кивнул, будто именно такого ответа ждал. Рядом стоял молодой мужчина с перевязанной кистью. Конрад спросил, воевал ли он.

— Да.

— Против нас?

— А против кого ещё?

Комтур хотел вмешаться, но Конрад остановил его взглядом.

— Будешь служить?

Мужчина посмотрел на семью.

— Если земля будет.

— Будет.

— И если нас не разлучат.

Конрад повернулся к брату, сопровождавшему обоз.

— Не разлучать семьи без необходимости.

— Среди них есть люди, которых лучше держать отдельно.

— Тогда назовите их. Не превращайте всех в виновных потому, что так проще считать.

Когда обоз ушёл, комтур спросил:

— Вы им доверяете?

— Нет.

— Тогда зачем земля и служба?

Конрад посмотрел вслед последней телеге.

— Потому что мне не нужно их доверие сегодня. Мне нужно, чтобы их дети однажды считали эту землю домом и не видели причины уходить за Неман.

Это была не уверенность. Только задача, результат которой никто не мог гарантировать. После обеда пришли сведения с востока. Несколько вооружённых литовцев замечены возле переправы. Сколько — неизвестно. Были ли это разведчики, охотники или отряд, готовящий нападение, никто не мог сказать.

— Кто видел?

— Рыбак.

— Он знает литовцев?

— Говорит, знает по оружию.

— Кто ещё?

— Никто.

Конрад перечитал короткое донесение. Один свидетель. Несколько фигур. Туман над рекой. Этого было мало для тревоги и достаточно для проверки.

— Отправить людей.

— Сколько?

— Столько, чтобы увидеть и вернуться. Не начинать войну из-за рыбацкого рассказа.

В отряд включили двух крещёных пруссов, знавших местность. Один из братьев удивился.

— Почему их?

— Потому что они там ходили до того, как мы научились произносить названия этих рек.

На следующий день Конрад сам вышел во двор перед их отправлением. Проводник был немолод. На лице — старый рубец. Он держал повод коротко и смотрел не на ландмейстера, а на коня.

— Дорогу знаешь? — спросил Конрад.

— До реки.

— А дальше?

Прусс поднял глаза.

— Дальше знают другие.

Конрад кивнул. Ответ ему понравился больше уверенного обещания. Перед отправлением разведки Конрад решил сам посмотреть место, где предлагали поставить новый пограничный пост. До него было меньше дня пути, но последние мили шли по низине, где дорога расползалась между болотом и лесом. Комтур показывал на сухой холм впереди.

— Там удобно. Видно подходы к реке.

Конрад не спорил. Холм действительно был хорош для наблюдения. Плохим оказалось всё вокруг. Телега с досками застряла в грязи ещё до полудня. Люди снимали груз и переносили по частям. Лошадь вытащили только после того, как под колёса положили ветви. Конрад спросил:

— Зимой лучше?

— Замерзает.

— Весной?

— Хуже, чем сейчас.

— А если гарнизону понадобится зерно в апреле?

Комтур посмотрел на дорогу. Ответ был очевиден. На холме стоял небольшой деревянный навес разведчиков. Один из них показывал дальний берег и рассказывал, где видел дым несколько дней назад. Место действительно давало хороший обзор. Конрад поднялся выше, посмотрел, потом сказал:

— Наблюдательный пост оставить. Большой замок пока не строить.

Комтур был недоволен.

— Но отсюда контролируется переправа.

— Только если люди здесь не голодны.

— Дорогу можно сделать.

— Тогда сначала дорогу.

Они возвращались в сумерках. Телега снова увязла на том же месте. Никто больше не спорил. Для Конрада этот день оказался полезнее красивого плана новой крепости. Пруссия уже имела достаточно замков, построенных ради войны. Следующие должны были существовать ещё и ради жизни между войнами. Отряд ушёл на восток.

Потом были ещё бумаги. Земля для новых поселенцев. Просьба мельника. Жалоба священника. Сообщение о разбойниках на дороге. Список людей, которых можно призвать на строительство. Перед ним лежали сведения о людях, которых можно было переселить на пустующие земли. Где-то младшие сыновья оставались без надела. Где-то деревня просила новый участок. Из Кульмской земли могли прийти ремесленники и земледельцы, если им обещать понятные условия. Конрад позвал комтура и старшего писаря.

— Что нужно семье, чтобы остаться?

Комтур удивился.

— Земля.

— Ещё.

— Дом.

— Ещё.

Писарь сказал:

— Знать, сколько с неё потребуют.

Конрад посмотрел на него.

— Вот.

Они начали разбирать условия поселения. Сколько лет облегчённых повинностей дать новым семьям. Кто ремонтирует дорогу. Где ставить мельницу. Кто получает право держать корчму. Как распределить лес и сенокос. Сколько военной службы требовать с тех, кто получает землю на особых условиях. Комтур несколько раз раздражённо говорил:

— Мы обсуждаем мелочи.

Конрад отвечал:

— Мы обсуждаем, из-за чего люди будут жить здесь или уйдут.

Поздно ночью писарь отложил перо и размял пальцы.

— На войне было проще.

Комтур усмехнулся.

— На войне тебя могли убить.

— Зато никто не спорил три часа о мельничной плотине.

Конрад рассмеялся.

— Привыкайте. Если земля удержится, таких споров будет больше, чем боёв.

Он не называл это миром. На востоке уже появлялись литовские следы. Но внутри покорённой Пруссии война всё чаще уступала место работе, в которой меч помогал меньше, чем точная грамота и вовремя привезённый хлеб.

К вечеру Конрад почувствовал усталость сильнее, чем после долгого перехода. Победа оказалась не окончанием труда. Просто труд изменился. Он подошёл к окну. За стенами крепости медленно шёл первый снег. На восточной дороге следы коней ещё не успели занести.

ГЛАВА 2

ПОСЛЕДНИЙ БЕРЕГ

Акра, весна 1291 года

Шестого апреля под стенами Акры появились первые большие отряды султана аль-Ашрафа Халиля. Город давно знал, что они придут. Знал по письмам, по слухам, по купцам, которые старались уйти раньше обычного, по людям, прибывавшим из внутренних земель. Но знание и вид войска под стенами были разными вещами.

Сначала увидели пыль. Потом знамёна. Потом ряды людей, которые продолжали подходить, пока пространство перед укреплениями не перестало казаться пустым. Братья Тевтонского ордена стояли на участке стены рядом с другими защитниками. Их было меньше, чем в те годы, когда Святая земля ещё казалась пространством, где можно вернуть утраченное. После падения Иерусалима, после потери крепостей и городов каждое новое поражение делало присутствие западных рыцарей тоньше.

Но именно здесь начиналась их история. В госпитале Акры когда-то ухаживали за больными немецкими паломниками. Из братства помощи вырос военный орден. Белый плащ с чёрным крестом появился не в Пруссии. Поэтому для некоторых братьев стены Акры были чем-то большим, чем очередная крепость. Осадные машины мамлюков работали почти непрерывно.

Камни били в стены. Слышался глухой удар, потом крик снизу. Земля дрожала. Ночью огни осадного лагеря тянулись вокруг города, словно вторые стены. Один молодой брат спросил старшего:

— Нас пришлют сменить?

Тот посмотрел на него.

— Кто?

Вопрос был достаточным ответом. Западная Европа спорила сама с собой. Короли думали о собственных войнах. Призыв к новому крестовому походу звучал всё слабее. Корабли ещё приходили, но уже чаще за теми, кто хотел уехать. В городе находился Генрих Второй Кипрский. Были тамплиеры, госпитальеры, люди различных князей, купеческие общины. Каждый защищал общий город и одновременно собственный участок, собственные склады, собственных людей.

Согласия не хватало даже перед общей смертью. В первые недели город ещё пытался жить привычно. На рынке продавали хлеб и солёную рыбу, но цена росла почти каждый день. У колодцев люди стояли дольше. В гавани владельцы судов спорили с теми, кто хотел заранее отправить семьи на Кипр. Богатые могли купить место. Остальные надеялись, что стены выдержат.

Военные ордена жили в Акре не отдельными островами. У тамплиеров были свои укрепления, у госпитальеров — свои дома, у немецких братьев — собственный двор и церковь, но улицы между ними оставались общими. Если пролом появлялся рядом, никто не спрашивал, чья очередь его закрывать. Однажды вечером в немецкий дом принесли раненого арбалетчика. Он не принадлежал Ордену. Его нашли возле участка стены, где работали люди нескольких общин. Стрела прошла через плечо, крови было много.

— Наш? — спросил молодой брат.

— Нет.

— Тогда к госпитальерам.

Старший посмотрел на раненого.

— Пока донесут, умрёт.

Его оставили. Ночью мужчина пришёл в себя и первым делом спросил, сколько стоит лечение. Брат не понял.

— Деньги. Сколько?

— Ничего.

Раненый не поверил. Акра оставалась торговым городом даже под осадой: человек привык спрашивать цену раньше имени. К концу апреля звук осадных машин стал частью дня. Камни били в стены с такой регулярностью, что люди переставали вздрагивать от каждого удара. Вздрагивали, когда внезапно становилось тихо. Тишина означала подготовку чего-то другого.

В мае давление усилилось. Стены разрушались быстрее, чем их успевали чинить. Люди работали ночью, носили камень, дерево, землю. Раненых становилось больше. В госпиталях не хватало мест. Ночь перед решающим штурмом была почти тихой. Именно поэтому многие не спали. На стенах слышали отдельные удары молотков в лагере осаждавших. Где-то двигали дерево. Иногда вспыхивали огни. Никто не знал, что именно готовят за темнотой.

В немецком доме братья проверяли оружие и перевязочный материал. Несколько раненых просили оставить им мечи рядом с постелью.

— Вам не встать, — сказал брат, помогавший в госпитале.

— Тогда пусть лежит.

Он не спорил и положил меч у стены. Позже пришёл человек от соседнего участка обороны. Требовались ещё люди.

— Сколько?

— Сколько можете дать.

Старший брат посмотрел на комнату, где оставались способные держать оружие.

— Если отдам всех, кто удержит наш участок?

Посланник развёл руками.

— У нас тот же вопрос.

Они выделили нескольких. Так выглядела общая оборона Акры в последние часы: каждый участок нуждался в людях, которых уже не существовало в достаточном числе. Перед полуночью в церкви собрались те, кто был свободен от караула. Служба получилась короткой. Никто не произносил длинных речей о мученичестве. Люди знали, что утром одни погибнут, другие побегут к гавани, третьи будут делать и то и другое в разном порядке. После молитвы молодой брат подошёл к старшему.

— Если стена падёт, где собираемся?

Тот назвал улицу ближе к порту.

— А если и там не удержим?

— Тогда у воды.

— А потом?

Старший посмотрел на него.

— До утра доживём — решим потом.

Это был самый честный ответ этой ночи. Восемнадцатого мая начался решающий штурм. Утром грохот был таким, что люди почти не слышали команды. С мамлюкской стороны шли барабаны, трубы, крики. Стрелы падали на стены. В проломах началась рукопашная. Братья дрались там, где могли удержаться. Но город уже переставал быть линией обороны. Противник входил в улицы. Отдельные группы продолжали сопротивляться, не зная, что происходит в соседнем квартале.

Кто-то кричал, что порт ещё открыт. Кто-то — что кораблей не хватит. Кто-то бросил оружие и побежал к воде. Белые плащи тоже отступали. Не все. Некоторые остались на стенах и в улицах навсегда. Те, кто добрался до гавани, увидели давку. Люди пытались попасть на суда. Богатые предлагали деньги. Женщины поднимали детей над головами. Моряки отталкивали лодки, опасаясь, что их перевернут. Один брат стоял на причале и смотрел назад.

— Идём! — крикнули ему.

Он не двигался.

— Идём!

Тогда он повернулся и ступил в лодку. Улицы к гавани были забиты людьми. Корабли уже принимали больше, чем капитаны считали безопасным. На причалах кричали на нескольких языках. Одни предлагали деньги, другие требовали место для раненых, третьи пытались протащить сундуки, которые ещё утром казались необходимыми. Немецкие братья успели вынести часть грамот, печати и церковные вещи. Когда выяснилось, что в лодке не хватает места, слуга спросил, что оставить.

— Серебро или сундук с бумагами?

Старший брат даже не задумался.

— Серебро.

— Оставить серебро?

— Да.

Слуга смотрел так, словно услышал безумие.

— Деньги можно собрать снова. Грамоту, которой сто лет, нет.

У перекрёстка перед гаванью брат увидел женщину, пытавшуюся поднять упавшего старика. Поток людей обходил их с обеих сторон.

— Оставь! — крикнул кто-то.

Женщина не отпустила. Брат схватил старика под руки. Ещё один помог. Они донесли его до воды и потеряли женщину в толпе. Через несколько минут уже невозможно было понять, попала ли она на тот же корабль. Когда лодка отвалила от причала, люди ещё заходили в воду, будто могли догнать её вплавь.

Никто на борту не смотрел долго. Смотреть было нечем помочь. С моря Акра выглядела почти спокойно. Белый камень стен, башни, крыши. Только дым говорил о том, что внутри город уже принадлежит другим. Никто на судне не говорил. Когда берег стал уменьшаться, один из братьев перекрестился.

Другие повторили. Они не знали, куда теперь должен смотреть Орден. Святая земля оставалась источником его обетов, но сам он всё меньше видел там место, где братство сможет жить и действовать дальше. Переход по морю оказался хуже, чем ожидали те, кто никогда не бежал из города на переполненном судне.

Людей было слишком много. Воды мало. Раненые лежали там, где нашлось место. Некоторые ещё держались за оружие, хотя никто не собирался нападать на них посреди моря. Один молодой брат сидел возле борта и не отрывал глаз от линии берега, пока та окончательно не исчезла. Старший сел рядом.

— Ты ранен?

— Нет.

— Тогда поешь.

Молодой покачал головой.

— Там остался мой брат.

Старший не стал уточнять, родной брат или брат Ордена. В тот день разница была невелика.

— Многие остались.

— Мы должны были остаться тоже?

Старший долго молчал.

— Если бы все остались, кто рассказал бы другим, что город пал?

— Зачем рассказывать?

На этот вопрос он не нашёл ответа. Позже, когда судно подошло к более спокойной воде, братья начали считать своих. Имя. Есть. Нет. Ранен. Неизвестно. Некоторые ответы менялись, когда из другого судна приходила весть о человеке, которого уже считали погибшим. Другие не менялись. Один из братьев снял белый плащ. На нём была кровь, не его собственная. Он долго отмывал ткань морской водой, пока красное пятно не стало бурым.

Чёрный крест оставался виден отчётливо. Он надел плащ снова. На Кипре первым делом начали считать людей. Имя. Есть. Ранен. Нет. Неизвестно. Последнее слово повторялось чаще, чем хотелось. Один брат дважды просил не отмечать товарища погибшим.

— Я видел его у гавани.

— На каком судне?

— Не знаю.

— После прорыва?

— Да.

Имя оставили без отметки. Никто не хотел первым превратить неизвестность в смерть. Потом пересчитали документы и деньги. Выяснили, какие вещи остались в городе и какие добрались на другом судне. Только после этого начали говорить о месте, где собраться дальше. Один из старших братьев спросил:

— Кипр?

Другой покачал головой.

— Мы здесь гости.

— Везде гости.

Фраза прозвучала слишком резко, но никто не возразил. После Акры проблема уже была не только в потерянном городе. Ордену требовалось место, откуда его глава сможет управлять разбросанными землями и не зависеть каждый день от того, сколько места ему оставляет чужой государь. После падения Акры у Ордена ещё были владения и дома в разных странах. Крепости на Кипре, связи в Италии, большие земли в германских областях, Богемии, Австрии. И далеко на северо-востоке — Пруссия.

Там не приходилось просить чужого государя позволить построить замок. Там Орден сам был властью. В 1291 году великим магистром стал Конрад фон Фейхтванген. Он знал и Восток, и европейские владения. Пруссия не была для него красивой далёкой провинцией. Он понимал, сколько сил уже вложено в эту землю и насколько иначе чувствует себя Орден там, где у него не отдельный дом, а собственная территория.

Но нельзя было просто объявить Пруссию новым центром. Орден всё ещё существовал как международное братство. Германские владения давали людей и деньги. Италия связывала с папским двором и морем. Ливония жила своими войнами. Пруссия была важнейшей, но не единственной частью. После Акры требовалось место, откуда можно было удерживать всё это вместе.

Выбрали Венецию. Город стоял между морем и Европой. Отсюда легче было поддерживать связь с Италией, германскими землями и остатками восточных владений. Здесь Орден

мог пока оставаться рядом с тем миром, из которого вырос. Путь к Венеции не был одним переездом. Сначала люди Ордена собирались на Кипре и в итальянских домах, пытаясь понять, что вообще считать теперь главным. Одни настаивали: нельзя слишком быстро отказываться от восточного направления, иначе поражение превратится в добровольный уход. Другие отвечали, что держаться за морскую карту, на которой у Ордена почти не осталось собственной опоры, значит тратить людей ради памяти.

Конрад фон Фейхтванген выслушивал эти споры без обещаний. На одном заседании брат, много лет прослуживший на Востоке, сказал:

— Если мы уходим дальше в Европу, чем отличаемся от любого землевладельческого ордена в Германии?

Другой ответил:

— Тем, что у нас есть Пруссия.

— Пруссия не Святая земля.

— Нет. Но там у нас есть дело, которое ещё не закончено.

Конрад остановил спор.

— Мы не выбираем, какая земля святее. Мы выбираем, откуда Орден вообще способен действовать.

Именно поэтому Венеция стала компромиссом. Не признанием, что Восток забыт, и не решением превратить Пруссию в единственный смысл братства. Пока нужен был дом между мирами. Когда первые братья вошли в новый главный дом, один из них долго смотрел на воду канала. Море было рядом. Но не то.

Новый дом стоял у воды. Это было уже совсем другое море.

ГЛАВА 3
ВЕНЕЦИЯ

1297–1303 годы

В день, когда братья собрались выбирать нового великого магистра, из Пруссии пришло письмо. Оно опоздало почти на три недели. Печать была цела, но кожа на сумке отсырела в дороге, а край пергамента потемнел. Брат, отвечавший за корреспонденцию, положил письмо рядом с другими бумагами и заметил:

— Если бы здесь был вопрос, который нельзя ждать, ответ уже не имел бы смысла.

Никто не возразил. За стенами орденского дома звонили венецианские колокола. По каналу проходила барка с бочками. С соседнего двора доносились голоса грузчиков. Венеция жила своим ритмом и не интересовалась тем, что люди в белых плащах обсуждают земли за сотни миль отсюда.

После смерти Конрада фон Фейхтвангена Ордену снова требовался глава. Выбор пал на Готфрида фон Гогенлоэ. Один из старших братьев, прежде чем было принято окончательное решение, сказал:

— Великий магистр должен принадлежать всему Ордену.

Кто-то с другого конца стола ответил:

— Тогда скажите, где находится весь Орден.

На этот раз никто не улыбнулся. Орден жил в германских землях, Пруссии, Ливонии и Италии. Венеция была удобна тем, что не принадлежала ни одной из главных областей. Готфрид принял должность и в первые месяцы пытался управлять так, будто расстояние можно победить порядком. Венецианский дом быстро наполнился бумагами. Одни приходили из Пруссии, другие с Рейна, из Австрии, Богемии и Италии. В один день Готфриду могли принести просьбу о назначении комтура на востоке и спор о доходах дома, находившегося в нескольких днях пути от Венеции. Он заставлял читать всё. Это тоже вызывало недовольство.

— Пруссия важнее, — сказал однажды брат, ожидавший решения по военному вопросу.

— Для вас.

— Там идёт война.

— А здесь находится долг, который завтра может оставить дом без земли.

Готфрид положил рядом два письма.

— Великий магистр не может каждый раз выбирать область, которая громче кричит.

Но чем дольше он работал, тем яснее становилось: громкость определяет не только человек. Письмо из Пруссии шло дольше, а значит, почти всегда приходило уже срочным. Письма раскладывали по срочности. Гонцов отправляли по нескольким дорогам. Требовали, чтобы комтуры сообщали не только о решении, но и о положении, которое к нему привело.

Через некоторое время пришло новое письмо из Пруссии. Готфрид прочитал его, нахмурился и передал Карлу из Трира.

— Что вы здесь видите?

Карл пробежал строки.

— Назначение на временную должность.

— Назначение уже состоялось.

— Да.

— А меня просят подтвердить.

Карл снова посмотрел на дату. Человек исполнял обязанности уже несколько недель.

— Если вы откажете, придётся его снимать, — сказал Карл.

— Значит, решение уже приняли за меня.

— Они скажут, что не могли ждать.

Готфрид поднялся и прошёл к окну. На воде разворачивалась лодка. Гребец отталкивался от стены длинным шестом.

— Для чего тогда нужен великий магистр?

Карл не ответил сразу.

— Чтобы такие решения не стали правилом.

Готфрид повернулся.

— Они уже становятся.

Через несколько дней пришло сообщение о нападении на восточной границе. Пока письмо добиралось до Венеции, ответный поход был собран, проведён и распущен. Готфрид вызвал брата, доставившего донесение.

— Кто разрешил поход?

Тот заметно напрягся.

— Командиры на месте.

— На каком основании?

— Литовцы ушли бы.

— Я спрашиваю не почему они выступили.

Брат молчал. Готфрид постучал пальцем по пергаменту.

— Я спрашиваю, кто решил.

Ответ прозвучал тихо:

— Те, кто был там.

После этого разговора Готфрид долго не выпускал письмо из рук. Он мог наказать людей за превышение полномочий. Но на их месте, возможно, сделал бы то же самое. И именно это раздражало больше всего. Прусские братья всё настойчивее просили его приехать. Готфрид сопротивлялся не из нежелания видеть Пруссию. Он боялся другого: если глава Ордена поселится в одной его области, остальные начнут видеть в нём чужого руководителя. На одном из заседаний он сказал:

— Если великий магистр станет только прусским магистром, кто будет удерживать остальные земли?

Ответил брат, недавно вернувшийся с востока:

— А если великий магистр останется здесь, Пруссия научится обходиться без него.

Готфрид посмотрел на говорившего. В этой фразе не было угрозы. И потому она прозвучала особенно тяжело. Он поехал на север. Дорога заняла недели. В орденских домах его встречали одинаковым поклоном, но говорили о разном. В германских землях обсуждали отношения с князьями и доходы домов. Чем ближе становилась Пруссия, тем чаще разговор переходил к людям, коням, новым замкам и литовской границе.

В одном доме Готфрид встретил группу молодых братьев, готовившихся продолжить путь на восток.

— Куда вас направили?

— В Пруссию.

— Всех?

— Всех.

Он посмотрел на их дорожные сумки, оружие, ещё чистые белые плащи. Вечером спросил у местного комтура:

— Много таких проходит?

— Сейчас больше.

— Почему?

Комтур пожал плечами.

— Там нужны люди.

В Пруссии Готфрида встретили уважительно. Уже на следующий день уважение уступило делам. Ему принесли назначения, которые требовали подтверждения. Просьбы о деньгах. Спор между комтурами. Требование увеличить гарнизон. Предложение построить укрепление. Каждый вопрос был срочным. Каждый человек мог объяснить, почему именно его дело нельзя откладывать. В Мемеле разговор стал жёстким.

Один из старших братьев положил перед великим магистром список расходов.

— Эти средства нужны сейчас.

— Я вижу.

— Тогда утвердите.

— Я хочу понять, откуда вы предлагаете их взять.

— Из западных домов.

Готфрид поднял глаза.

— Вы уже запросили?

— Да.

— До моего решения?

Брат выдержал его взгляд.

— Иначе ответ придёт слишком поздно.

Готфрид отодвинул лист.

— Вы хотите, чтобы я управлял Пруссией?

— Да.

— Тогда оставьте мне хотя бы решения.

После этого в комнате стало тихо. Но спор не закончился. В следующие месяцы похожие столкновения повторялись. Деньги. Полномочия. Назначения. Военные действия. Каждый раз у прусских братьев находилось объяснение, почему они не могли ждать. Каждый раз Готфрид понимал их доводы и одновременно видел, как его власть превращается в подтверждение уже сделанного.

После нескольких месяцев в Пруссии Готфрид созвал старших братьев, пытаясь определить хотя бы границу полномочий. Какие решения местные сановники принимают сами. Какие обязаны ждать великого магистра. Какие можно исполнить временно, а потом представить ему на утверждение. Сначала казалось, что речь идёт о простой таблице обязанностей.

Через час стало ясно, что спор касается самой власти.

— Нападение ждать не будет, — сказал один из братьев.

— Военное решение принимаете на месте.

— А деньги на него?

— Если есть в распоряжении комтурства — тоже.

— А если нет?

— Тогда запрос.

— И ждать Венеции?

Готфрид выдержал паузу.

— Если вы каждый раз будете брать деньги сами, запрос станет уведомлением.

Другой брат вмешался:

— А если великий магистр каждый раз будет решать из Венеции, мы будем спрашивать разрешение у человека, который узнает о нападении после того, как сгорят деревни.

Готфрид посмотрел на него.

— Значит, вы хотите великого магистра здесь?

— Я хочу, чтобы власть находилась рядом с тем, чем она управляет.

— А германские дома?

— Они не стоят на Немане.

— Значит, меньше принадлежат Ордену?

Никто не ответил. Совещание закончилось без новой таблицы. Зато каждый вышел из комнаты лучше понимая, почему вопрос не решается одним уставом. В 1302 году в Мемеле напряжение стало открытым. О причинах говорили по-разному даже сами братья. Одни обвиняли великого магистра в нерешительности. Другие — прусских сановников в стремлении присвоить себе слишком много власти. Третьи считали, что спор вообще не о людях, а о том, где должен находиться центр Ордена.

Готфрид слушал всё это и всё меньше верил, что ещё способен примирить стороны одной перестановкой должностей. Перед окончательным разрывом Готфрид получил письмо из германских владений, которое только усилило ощущение тупика. Несколько комтуров просили не переносить управление полностью в Пруссию. Они писали о своих людях, долгах, отношениях с князьями и епископами. Один вопрос повторялся в разных формулировках: если все важнейшие решения будут приниматься рядом с Неманом, останутся ли западные дома частью общего Ордена или постепенно станут только источником денег и новых братьев?

Готфрид прочитал письмо на заседании. Один из прусских сановников сказал:

— Никто не предлагает забыть их.

— Они боятся именно этого.

— Потому что не знают Пруссию.

— А вы знаете их дела?

Брат замолчал. Готфрид положил письмо рядом с прусскими требованиями.

— Вот почему я не могу просто сказать, что правы вы или правы они. Великий магистр существует именно потому, что Орден больше одной земли.

— Тогда где ему жить?

Вопрос снова вернулся к началу. Готфрид устало ответил:

— Если бы место решало всё, мы давно нашли бы самое удобное.

В ту ночь он впервые всерьёз подумал не о том, как выиграть спор, а о том, способен ли ещё сам быть человеком, которого обе стороны считают своим. В Эльбинге в 1303 году он отказался от должности. Карл из Трира встретил его после заседания в небольшой комнате, где на столе ещё лежали бумаги капитула.

— Вы уверены? — спросил Карл.

Готфрид медленно снял перчатки.

— Нет.

— Тогда зачем?

— Потому что они тоже не уверены во мне.

Он посмотрел на дверь, за которой братья продолжали говорить о новом великом магистре.

— А Орден нельзя заставить доверять приказом.

После заседания Готфрид вышел во двор один. Эльбинг был холоднее Венеции не только по погоде. Здесь каждый звук напоминал, что рядом находится территория, которую Орден действительно контролирует: стража у ворот, склады, лошади, люди, приходившие за распоряжениями. Он смотрел на всё это и понимал, почему прусские братья считают центр естественным именно здесь.

И одновременно вспоминал дома на западе, которые не видели литовской границы, но без которых Пруссия получала меньше людей, денег и связей. Карл из Трира подошёл позже.

— Вы могли остаться и продолжить спор.

— Мог.

— Почему не остались?

Готфрид долго молчал.

— Потому что в какой-то момент человек начинает защищать уже не должность, а себя в должности. Я не хочу узнать этот момент слишком поздно.

Карл не нашёл, что ответить. Наутро бывший великий магистр выглядел спокойнее, чем многие из тех, кто добился его ухода. Это спокойствие раздражало их почти сильнее сопротивления. Новым великим магистром избрали Зигфрида фон Фейхтвангена. Через некоторое время он снова оказался в Венеции. В первый день ему принесли несколько пачек корреспонденции.

Италия. Германские земли. Ливония. Пруссия. Зигфрид долго смотрел на стол, потом взял верхнее прусское письмо.

— Это самое срочное? — спросил брат канцелярии.

— Нет.

— Тогда почему с него?

Зигфрид разломил печать.

— Потому что пока оно шло, там уже могли принять решение без нас.

ГЛАВА 4
ОПАСНЫЙ ПРИМЕР

Венеция, осень 1307 года

Письмо из Франции принесли утром. Брат канцелярии вошёл во время совещания и не стал ждать, пока его пригласят говорить.

— Из Парижа.

Зигфрид фон Фейхтванген взял пергамент. Первые строки прочитал молча. Потом начал сначала. Один из братьев спросил:

— Что случилось?

Зигфрид передал письмо дальше. Тринадцатого октября по приказу короля Филиппа Четвёртого во Франции начали арестовывать тамплиеров. Один из старших братьев долго не отдавал письмо дальше. Он служил на Востоке и встречал тамплиеров ещё до падения Акры.

— Я видел их великого магистра, — сказал он наконец. — Не близко. На совете.

Никто не спросил, зачем он это говорит. Человек пытался соединить в голове две картины: рыцарский орден, который десятилетиями казался почти неотделимым от самого понятия крестового похода, и королевских служащих, входящих в его дома с описями имущества.

— Что им предъявляют?

Брат канцелярии перечислил то, что было в письме. Часть обвинений прозвучала настолько тяжело, что молодой рыцарь перекрестился. Старший покачал головой.

— На допросе человек скажет многое.

— Вы считаете их невиновными?

— Я считаю, что мы не знаем.

Зигфрид вмешался:

— И не будем делать вид, что знаем. Для нас сейчас важно другое: король сумел взять людей и имущество раньше, чем спор о вине дошёл до конца.

Именно эта мысль осталась в комнате после того, как письмо убрали. Не одного комтура. Не людей в одном доме. Братьев по всему королевству. Их брали почти одновременно. Королевские люди входили в дома, изымали имущество, опечатывали помещения, составляли списки. Начинались допросы. Человек, читавший письмо, остановился.

— Это невозможно.

— Уже произошло, — сказал Зигфрид.

— Король не может распустить орден.

— Не может.

— Тогда зачем аресты?

Зигфрид протянул руку за письмом.

— Чтобы к тому времени, когда начнут решать, что он может, люди и имущество уже были у него.

В комнате стало тихо. Ещё недавно имя тамплиеров означало силу, деньги, старую славу Святой земли. У них были папские привилегии, земли, дома, связи при дворах. Многие братья Тевтонского ордена знали их не по рассказам. Теперь королевские служащие описывали их имущество. Один из присутствовавших спросил:

— А папа?

— Пока получает известия так же, как мы.

Ответ прозвучал неприятно. Зигфрид свернул письмо и приказал:

— Принесите перечень того, что находится здесь.

Брат не понял.

— Здесь?

— Печати. Казна. Архив. Всё, без чего великий магистр не сможет управлять Орденом.

— Вы думаете, Венеция собирается нас арестовать?

— Нет.

— Тогда зачем?

Зигфрид посмотрел на него.

— Потому что я хочу знать, что именно окажется за чужими воротами, если однажды они закроются.

Через час на столе лежали списки. Не все были полными. Часть документов хранилась в одном помещении, часть в другом. Деньги учитывались отдельно. Некоторые грамоты относились к западным владениям и почти никогда не покидали сундуков. Другие требовались постоянно. Зигфрид перебирал записи.

— Если завтра нам запретят вывозить имущество, что останется у великого магистра?

— Почему завтра?

— Это вопрос.

Брат напротив помолчал.

— Люди, которые успеют выйти.

— А документы?

— Не знаю.

— Деньги?

— Зависит от того, что успеют закрыть.

Зигфрид отодвинул список. Вот этого ему было достаточно. Не страха перед Венецией. Зависимости от решения, которое принимает не Орден. В следующие недели сведения из Франции становились тяжелее. Арестованные давали показания. Звучали обвинения, в которых смешивались слухи, признания под давлением и то, что никто в Венеции не мог проверить. Имущество продолжали описывать. За ужином один из братьев сказал:

— Если такое можно сделать с тамплиерами, папские привилегии стоят меньше печати на пергаменте.

Карл из Трира возразил:

— Печать имеет цену.

— Их это спасло?

— Нет.

— Тогда какая цена?

Зигфрид до этого молчал.

— Та, которую другой признаёт.

Брат посмотрел на него с раздражением.

— Значит, право существует, пока за ним стоит меч?

— Нет. Но меч существует и без права.

Он положил ложку.

— Вот почему нельзя путать одно с другим.

Разговор не успокоил никого. Зигфрид тоже не был спокоен. Он не считал Тевтонский орден похожим на тамплиеров во всём. У них были разные задачи, разные земли, разные отношения с правителями. Но одна черта была общей: дома Ордена находились внутри чужих государств. Германский князь мог быть другом.

Епископ — покровителем. Город — союзником. Сегодня. Никакой обет не заставлял их оставаться такими завтра. Из западных домов начали приходить вопросы. Не распоряжения и не просьбы. Именно вопросы. Что делать, если местный князь потребует опись имущества? Можно ли заранее вывозить часть денег из дома, находящегося в его владениях?

Кто имеет право открыть архив местной комтурии по требованию светской власти? Нужно ли сообщать в Венецию о каждом подобном требовании? Зигфрид прочитал несколько писем подряд и понял: страх уже вышел за стены главного дома. Он собрал людей, знавших западные владения.

— Не надо делать вид, что завтра каждый князь повторит Францию, — сказал Карл из Трира.

— Я и не хочу.

— Тогда ответы должны успокаивать.

— Нет. Они должны быть точными.

Один брат предложил общий приказ: без согласия великого магистра не передавать никому имущество Ордена. Карл покачал головой.

— А если князь придёт с вооружёнными людьми?

— Сопротивляться.

— В доме пять братьев и двадцать слуг. У князя сто человек. Вы хотите превратить каждую комтурию в маленькую крепость?

Стало тихо. Зигфрид сказал:

— Нужны правила не для случая, когда мы сильнее. Для случая, когда местный дом слабее и должен сохранить главное без бессмысленной крови.

Ответы готовили несколько дней. Документы и печати — прежде всего. Деньги — по обстоятельствам. Открытое вооружённое сопротивление светской власти — только если есть

реальная возможность и прямое основание. Никто не был полностью доволен. Но паника уступала порядку.

Через несколько дней Зигфрид приказал снова проверить списки архива. На этот раз Карл из Трира заметил:

— Вы уже проверяли.

— Проверял количество.

— А теперь?

— Что должно находиться рядом с великим магистром при любых обстоятельствах.

Карл сел напротив.

— Вы хотите вывезти архив из Венеции?

— Не весь.

— Казну?

— Не всю.

— Печати?

Зигфрид посмотрел на него.

— Главные — да, если будет куда.

Карл понял, о чём речь.

— Пруссия.

— Я не сказал этого.

— Не сказали.

На следующий день проверка перестала быть только списком. По приказу великого магистра несколько самых важных сундуков действительно вынесли из помещения, поставили во дворе и снова вернули на место. Оказалось, что один слишком тяжёл для быстрой перевозки. У другого заедал замок. Третий нельзя было вынести через узкий проход, не повернув боком и не снимая железную накладку с дверного косяка. Казначей смотрел на происходящее всё мрачнее.

— Теперь вы довольны?

— Нет.

— Почему?

— Потому что мы только что выяснили, что при срочном отъезде половина людей будет занята сундуком, который не проходит в дверь.

К вечеру распорядились перераспределить бумаги и деньги. Самые необходимые грамоты отделили от тех, которые можно оставить в архиве дольше. Печати хранили так, чтобы их не пришлось искать по нескольким помещениям. Никто не называл это подготовкой к бегству. Это была подготовка к тому, чтобы главный дом не превращался в ловушку для собственного управления.

Зигфрид встал. Вечером они вышли к каналу. Было прохладно. Лодки скользили мимо домов почти бесшумно. На противоположном берегу разгружали ткань. Купец спорил с грузчиком о повреждённом тюке. Венеция оставалась такой же, как неделю назад. И от этого происходящее во Франции казалось ещё неприятнее. Там тоже, вероятно, за день до арестов люди открывали лавки, спорили о цене и не думали, что утром королевские люди войдут в дома Ордена. Карл сказал:

— В Пруссии безопаснее не потому, что там никто не может напасть.

— Именно.

— Там нападут армией.

Зигфрид остановился.

— А не придут с приказом и ключами.

Карл посмотрел на воду.

— Для этого нужно решить, что Пруссия принадлежит Ордену надёжнее, чем Венеция позволяет нам жить здесь.

— Это уже не вопрос одного дома.

— Нет.

Они пошли дальше. Зигфрид не принимал решения на набережной. Он вообще всё меньше доверял решениям, которые красиво звучат вечером и плохо выдерживают утро. Ночью Зигфрид почти не спал. Не из-за тамплиеров как таковых. Ему не давала покоя мысль о том, как быстро сильная организация может обнаружить, что её сила существует внутри чужих правил.

В это же время из папского окружения приходили известия, которые не делали положение яснее. Папа Климент Пятый не мог просто игнорировать действия французского короля, но и немедленного освобождения тамплиеров не происходило. Между обвинением, церковным разбирательством и реальной властью Филиппа Четвёртого возникала трещина, в которой бумага двигалась медленнее арестов.

Карл из Трира прочитал одно из сообщений и сказал:

— Вот что опасно.

— Что именно? — спросил Зигфрид.

— Все обсуждают право после того, как люди уже сидят под стражей.

Зигфрид кивнул.

— Поэтому мне не нужен спор о том, может ли такое случиться с нами. Мне нужно, чтобы, если кто-то попробует, Орден не оказался обезглавлен одним утром.

— Пруссия не защищает германские дома.

— Нет.

— Значит, перенос центра не решит всё.

— Я знаю.

Зигфрид посмотрел на письма.

— Но он хотя бы сделает так, что глава Ордена и главные инструменты его власти будут находиться там, где у нас есть собственные стены.

Это была не полная защита. Полной защиты не существовало. Но разница между чужим городом и своей крепостью становилась всё менее отвлечённой. За окном Венеция жила спокойно. Где-то поздно возвращалась лодка. На воде отражался свет. Стража республики несла службу на своих местах. Ничто не угрожало орденскому дому.

Именно это спокойствие было обманчиво удобным. Зигфрид подошёл к столу и ещё раз посмотрел на список причин, по которым главный дом находился в Венеции: связь с Италией, папский двор, море, западные владения. Напротив он велел положить другой список — что уже находилось в Пруссии: замки, земля, войско, доходы, собственная администрация, война, в которой Орден сам определял своё участие.

Ни один список не давал ответа. Но впервые вопрос был записан так, что его нельзя было отложить как беспокойство одного человека. Утром пришло новое письмо. На этот раз из Пруссии. В Померелии снова менялось положение вокруг Данцига. Бранденбургские притязания, польская власть, город, крепость — всё было переплетено так, что короткого ответа не существовало.

Зигфрид прочитал письмо и положил рядом со списком печатей, который ещё не успели убрать. Карл увидел оба документа.

— Случайность?

— Что именно?

— Что они лежат рядом.

Зигфрид посмотрел сначала на французские известия, потом на прусское письмо.

— Пока да.

И позвал писаря.

ГЛАВА 5
ДАНЦИГ

1308 год

После смерти Вацлава Третьего польские земли снова вошли в состояние, где право на власть существовало сразу у нескольких людей. Для Померелии это означало не отвлечённый спор о короне. Это означало, что у Данцига появились соседи, каждый из которых мог назвать себя законным защитником города. Бранденбургские маркграфы опирались на собственные династические притязания. Владислав Локетек считал Померелию частью польских земель и поставил в Данциге своих людей. Местная знать была разделена. Одни искали поддержки у Кракова, другие у Бранденбурга, третьи прежде всего хотели сохранить собственное влияние.

Когда бранденбургские отряды вошли в город, польский гарнизон удерживал крепость. Богуша, командовавший ею, понимал положение лучше большинства людей вокруг. Город можно было потерять за несколько дней. Крепость — позже. Но если помощь не придёт, разница будет только во времени. Он отправил посланников к Владиславу. Ответ оказался тяжёлым: польский князь не мог быстро привести достаточно сил.

В крепости начали считать запасы. Богуша не доверял общим словам. Пока городские люди спорили, чья власть законнее, он спрашивал о зерне, воде и стрелах. Ответы получались хуже с каждым днём.

— На сколько хватит?

— Если экономить, на несколько недель.

— А если людей станет больше?

— Меньше.

— Это я понимаю.

Он раздражённо отодвинул список. За стенами крепости город жил отдельно. Бранденбургские люди уже чувствовали себя хозяевами на улицах, но сама крепость оставалась у польской стороны. Из неё было видно порт и часть города, однако видеть не означало управлять. К Богуше пришли два представителя местной знати. Один убеждал держаться до прихода Владислава. Другой говорил, что помощи не будет и нужно искать соглашение с Бранденбургом.

— Если открыть ворота сейчас, — сказал второй, — сохраним людей.

— А землю?

— Земля останется там же.

Богуша посмотрел на него.

— Только власть будет другая.

— Власть и так меняется каждый год.

Фраза была слишком близка к правде. После их ухода Богуша долго стоял у бойницы. Он не хотел сдавать город Бранденбургу. Но ещё меньше хотел защищать крепость до последнего человека только затем, чтобы через месяц услышать, что в Кракове не смогли прийти на помощь. Именно тогда впервые всерьёз заговорили об Ордене.

Близость белых плащей пугала почти так же, как успокаивала. Они могли выбить бранденбургцев. Могли и остаться.

— Если зовём их, — сказал один из людей Богуши, — нужно заранее записать, зачем они входят.

— Запишем.

— И сколько им платим.

— Запишем.

— И когда уходят.

На этом месте Богуша промолчал. Потому что именно третье условие труднее всего заставить выполнить человека, у которого после победы в городе стоят вооружённые люди. Тогда

возникло решение, которое казалось разумным именно потому, что должно было быть временным. Позвать Тевтонский орден. Братья находились рядом. Имели войско. Были врагами бранденбургской экспансии не из любви к Польше, а потому, что усиление Бранденбурга возле собственных земель не устраивало Мариенбург.

Генрих фон Плоцке получил сообщение. Он не спросил, зачем полякам помощь. Спросил:

— Что нам предлагают?

Переговоры начались до похода. Кто оплачивает участие Ордена. Какие расходы будут признаны. На каких условиях братья войдут в крепость. Кто останется после ухода бранденбургцев. С последним вопросом ясности оказалось меньше всего. Пока противник стоял возле Данцига, различия можно было отложить. Орденские силы подошли. Генрих фон Плоцке не спешил вводить людей внутрь крепости прежде, чем понял расположение сторон. Он осмотрел подходы, поговорил с польскими представителями и несколько раз спросил одно и то же:

— Кто отвечает за городские ворота?

Ответ менялся в зависимости от того, о каких воротах шла речь. Это ему не понравилось. Город, разделённый между партиями, опаснее города, где все открыто стоят против тебя. Здесь человек мог утром назвать себя сторонником Польши, вечером договориться с Бранденбургом, а ночью решить, что безопаснее вообще никому не верить.

Орденские братья вошли в крепость по соглашению с польской стороной. Первые дни прошли без столкновения между союзниками. С общей угрозой было проще: бранденбургские силы находились снаружи и в городе, их следовало вытеснить. После их отхода всё изменилось почти мгновенно. Генрих сидел за столом напротив польских представителей. Между ними лежал расчёт расходов.

— Столько? — переспросил один из поляков.

— Столько.

— За несколько дней?

— За людей, коней, провиант, дорогу и риск.

— Вы пришли по нашей просьбе.

— Именно поэтому расходы можно посчитать.

— По такой цене проще было нанять собственное войско.

Генрих не повысил голоса.

— Тогда почему вы его не наняли?

После этого разговор стал хуже. Польская сторона считала, что Орден пользуется зависимостью союзника. Орден считал, что поляки хотят получить военную помощь и забыть о договорённости сразу после исчезновения опасности. Один из братьев позже сказал Генриху:

— Они думают, что мы пришли ради денег.

— А мы?

Брат замялся. Генрих посмотрел на него.

— Мы пришли потому, что не хотели Бранденбург у наших ворот. Деньги делают это менее дорогим, но не объясняют всего.

— Значит, можем уйти.

— Можем.

— Тогда почему не уходим?

Генрих посмотрел на город за окном.

— Потому что теперь мы уже знаем, сколько стоит тот, кто держит Данциг.

Бранденбург не стал превращать город в место большой войны. Его люди ушли. Польская сторона могла считать задачу выполненной. Для Мариенбурга всё только начиналось. Генрих предъявил расходы. Сумма показалась полякам чрезмерной. Спор быстро перестал быть бух-

галтерским. Польский гарнизон хотел получить город обратно и закончить союз. Орден хотел получить плату и гарантии.

Каждая сторона была уверена, что другая пытается воспользоваться ситуацией.

— Мы вас позвали, — сказал один из польских представителей.

— Именно, — ответил брат Ордена.

— Значит, вы пришли как союзники.

— Мы и пришли.

— Союзник уходит, когда помощь больше не нужна.

— После того как выполнены условия.

— Ваши условия меняются.

Разговор закончился без решения. Польский гарнизон покинул крепость. Внутри города оставались люди, не желавшие признавать власть Ордена. Часть связывала надежды с польским возвращением. Часть просто боялась, что новый хозяин изменит городские права и торговлю. Разрыв с польской стороной не произошёл в один разговор. Сначала спорили о расходах. Потом о крепости. Потом о том, кто имеет право назначать людей в городе. Каждое новое совещание начиналось с прежних слов и заканчивалось меньшим доверием.

Богуша понимал, что положение становится невыносимым. Он просил подтверждения из Польши, но быстрых ответов не было. В какой-то момент польский гарнизон оказался между двумя решениями: оставаться в крепости рядом с вооружённым союзником, которому уже не доверяет, или уйти и надеяться вернуть город позже. Люди спорили до ночи.

— Если уйдём, они останутся.

— Если останемся, можем начать бой прямо здесь.

— Тогда пусть начинают.

— А кто будет держать стены против Бранденбурга, если он вернётся?

Богуша слушал и понимал, что любое решение будет выглядеть ошибкой уже на следующий день. В итоге гарнизон покинул крепость. Для части горожан это стало сигналом. Одни начали прятать имущество. Другие искали связь с людьми Владислава. Третьи пытались выяснить у орденских служителей, сохранятся ли старые права города.

Никто не получал полного ответа. В Мариенбурге решения ещё обсуждали. В Данциге люди уже выбирали сторону. Ночью с двенадцатого на тринадцатое ноября орденские силы вошли в Данциг. Сопротивление было. Городские улицы плохо подходят для красивого боя. Там нет стройной линии, которую видит хронист издалека. Есть ворота, дома, узкие проходы, крики из темноты. Человек поворачивает за угол и не знает, кто встретит его через три шага.

Генрих хотел подавить сопротивление быстро. Быстро не получилось. Началась резня. Сколько людей погибло, в ту ночь никто не считал. Это не означало, что погибших было мало. Один брат увидел мужчину возле горящего дома. Тот не держал оружия. Рядом лежал убитый юноша.

— Уходи! — крикнул брат.

Мужчина не понял или не захотел понять. Он опустился возле тела. Брат поехал дальше. Для него это был один человек среди десятков увиденных за ночь. Для мужчины на земле весь захват Данцига уже состоял только из одного убитого. В одном переулке Генрих фон Плоцке столкнулся с группой братьев, которые тащили троих связанных мужчин.

— Кто?

— С оружием.

Один из пленников сразу закричал:

— Я не воевал!

Брат показал короткий меч.

— Нашли у него.

Пленник заговорил быстрее, объясняя, что меч принадлежит брату, что дом разграбили раньше, что он только поднял оружие с пола. Генрих смотрел на него несколько мгновений. Ночью никто не мог проверить такую историю.

— Под стражу. Не убивать.

— Здесь негде держать всех.

— Найдите.

Он поехал дальше. Через несколько домов лежали двое орденских людей. Один был мёртв. Второй пытался остановить кровь из бедра. Генрих спешился.

— Врач был?

— Нет.

— Позвать.

Раненый схватил его за рукав.

— Комтур…

— Что?

— Они свои дома поджигают.

Генрих посмотрел на огонь дальше по улице.

— Откуда знаешь?

— Видел.

Возможно, правда. Возможно, человек просто хотел объяснить пожар так, чтобы вина лежала на другой стороне. Генрих не стал спорить. В городе, где идёт бой, правда часто распадается на десятки коротких рассказов, каждый из которых видит только один двор. Он поднялся.

— Тушить всё, что можно тушить.

— А если оттуда стреляют?

— Тогда сначала перестать позволять им стрелять.

Ночь продолжалась. К утру сопротивление было сломлено. Наступивший день оказался не легче ночи. Генрих объезжал улицы и видел город, который ещё нельзя было назвать покорным. Возле одного дома женщина ругалась с двумя орденскими людьми, требовавшими открыть сарай. Она кричала, что там только зерно. Те утверждали, что ищут оружие. Генрих остановился.

— Открыть при ней.

Дверь выбили. Внутри действительно лежали мешки.

— Всё?

— Всё.

— Тогда закрыть и уйти.

Женщина посмотрела на разбитый замок.

— А это кто исправит?

Один из братьев хотел ответить резко, но Генрих сказал:

— Запишите дом.

— Зачем?

— Потому что замок сломали мы.

Он не знал, будет ли возмещение полным и когда его вообще выплатят. Но понимал: если каждый поиск оружия заканчивается разграбленным сараем, через неделю весь город будет считать поиски прикрытием для грабежа. В другом квартале нашли тела нескольких жителей и двух орденских людей. Их складывали отдельно. Священник требовал дать время на погребение.

Генрих согласился. К полудню появились первые купцы, желавшие узнать, можно ли открывать склады у порта.

— Сегодня? — удивился брат, принимавший их.

— Корабли не спрашивают, закончилась ли ваша война, — ответил один из купцов.

Эта фраза дошла до Генриха. Он разрешил открыть часть торговых помещений при охране. Так Данциг начал возвращаться к жизни ещё до того, как высохла кровь на некоторых улицах. Начались поиски оружия, задержания, тушение пожаров, разбор имущества. Город постепенно переходил от боя к власти. Но именно здесь возникла проблема, которую меч не решал.

Ордену теперь принадлежал христианский город. Не языческое укрепление за Неманом. Не деревня пруссов, поднявшая восстание. Порт, жители которого молились тому же Богу и могли обратиться с жалобой к тем же церковным властям, что и сами братья. Владислав Локетек не признавал захват. Бранденбург тоже сохранял притязания на Померелию.

Генрих отправил в Мариенбург сообщение. Данциг взят. Вместе с городом Орден получил спор, который нельзя было закончить взятием ворот. Нужно было превратить военную победу в право.

ГЛАВА 6

ЦЕНА ЗЕМЛИ

1309 год

В переговорах о земле больше всего времени уходило не на землю. На слова. Как назвать то, что продаётся. Кому принадлежало право продавать. Что именно переходит вместе с ним. Где проходит граница. Какие старые обязательства сохраняются. Юристы, писари и свидетели спорили о формулировках, пока люди, привыкшие решать дела оружием, начинали раздражаться.

Но Зигфрид фон Фейхтванген не торопил. Данциг уже находился в руках Ордена. Теперь нужно было получить то, что невозможно взять штурмом: документ, позволяющий утверждать, что Орден не просто удерживает Померелию силой. На другой стороне переговоров стоял Бранденбург. Первая встреча прошла хуже, чем ожидали обе стороны.

Бранденбургские представители говорили о правах так, будто за ними уже стояла бесспорная власть над всей Померелией. Орденские отвечали, что сам факт продажи доказывает обратное: если владение настолько надёжно, зачем превращать его в деньги? Юрист маркграфа сухо заметил:

— Право и возможность удержать — не одно и то же.

Орденский представитель посмотрел на него.

— Наконец-то мы согласны.

После этого разговор пришлось начинать почти заново. Дни проходили в сверке старых грамот. На одном столе лежали документы, составленные в разное время и по разным причинам. В одном названии реки отличалась одна буква. В другом граница шла «до леса», которого на более поздней записи уже не было как отдельного ориентира.

Один из свидетелей, хорошо знавший местность, пытался объяснить словами:

— Если идти от старой дороги к воде, там сначала луг, потом низина, потом дубовая роща.

Писарь поднял голову.

— Какая роща?

— Дубовая.

— В грамоте написано «лес».

— Потому что тогда там был лес.

— А сейчас?

— Роща.

Юрист потер лицо ладонью. Вот так политика превращалась в спор о деревьях. Зигфрид, получавший отчёты, требовал не торопиться. Он уже видел, как одно неясное слово в грамоте

превращается в десятилетний спор двух держателей земли. Здесь цена ошибки была выше. Маркграф Вальдемар готов был отказаться от своих притязаний за деньги.

Это выглядело проще, чем было. Польша не участвовала в сделке. Владислав Локетек считал сам предмет продажи своим. Для него два человека договаривались о цене земли, которой один не имел права продавать, а второй — покупать.

В Мариенбурге рассуждали иначе. Бранденбургские притязания существовали. Пока они существуют, Орден имеет двух противников вокруг Померелии. После сделки останется один. Зигфрид сказал на совещании:

— Мы покупаем не землю.

Один из братьев удивился.

— А что?

— Одного противника вместо двух.

На столе лежала сумма. Десять тысяч марок серебра. Даже для богатого Ордена деньги были огромными. Казначей говорил о них без восторга.

— За эту сумму можно построить несколько замков.

— Можно.

— Содержать войско.

— Можно.

— И всё равно вы хотите отдать её за бумагу.

Зигфрид посмотрел на него.

— За бумагу, после которой бранденбургский маркграф не придёт в Данциг как человек, считающий его своим.

— А польский придёт.

— Возможно.

— Значит, бумага не даёт мира.

— Она уменьшает число войн.

Казначей больше не спорил. Переговоры продолжались. Особенно тяжёлыми оказались границы. Уступались не все земли, которые хотелось бы соединить одним движением пера. Некоторые области оставались за Бранденбургом. Каждое название проверяли. Каждую формулу сравнивали с прежними грамотами. Для писарей это был текст. Для людей на месте — река, лес, деревня, дорога, по которой завтра должен пройти сборщик пошлины и знать, чья здесь власть.

Один из самых долгих споров возник из-за названия небольшого участка земли, который на разных старых грамотах обозначали по-разному. Юрист бранденбургской стороны настаивал на одной формуле. Орденский представитель — на другой. Час прошёл почти без движения. Военный брат, сидевший у стены, наконец спросил:

— Там вообще кто-нибудь живёт?

Писарь поднял голову.

— Да.

— Сколько?

— Не знаю.

— Тогда почему мы спорим о названии дольше, чем о городе?

Юрист спокойно ответил:

— Потому что через это название проходит граница права.

Брат закатил глаза. Зигфрид, которому пересказали эпизод, не смеялся. Он понимал обоих. На войне можно обойти спорный участок лесом. В договоре обойти его нельзя. Через год там появится сборщик платежей. Через пять — новый держатель. Через двадцать два государства достанут копии договора и каждый укажет на одно слово.

Поэтому переговоры тянулись. Пока юристы спорили, казначей снова считал серебро. Десять тысяч марок были не числом на бумаге, а реальным металлом, который следовало собрать, перевезти и передать.

— Охрана?

— Будет.

— Маршрут?

— Меняем.

— Почему?

— Слишком многие знают первый.

Зигфрид одобрил. Большая политика иногда зависела от того, не ограбят ли обоз на дороге. Отдельной проблемой стали деньги. Десять тысяч марок серебра нельзя было передать одной красивой записью. Их требовалось собрать из нескольких источников, проверить вес, подготовить к перевозке и охранять так, чтобы политическое решение не закончилось ограбленным обозом на дороге.

Казначей распорядился менять маршрут частей груза. Никто, кроме нескольких ответственных братьев, не должен был знать полный путь заранее. В одном из домов, где собирали серебро, возник спор из-за веса. Местный служитель утверждал, что сумма посчитана правильно. Человек казначея потребовал снова проверить каждую часть.

— Мы уже считали.

— Теперь взвесим.

— Вы нам не доверяете?

— Доверие не меняет вес серебра.

Несколько часов ушло на повторную проверку. Нашли ошибку. Небольшую по сравнению с общей суммой. Достаточную, чтобы человек, требовавший проверки, больше никому не объяснял, зачем она нужна. Когда первые партии денег двинулись к месту передачи, их сопровождали не только вооружённые братья. Ехали люди, отвечавшие за записи и подтверждения. Каждая переданная сумма должна была существовать одновременно в металле и на пергаменте.

Зигфрид получил сообщение о ходе передачи и сказал казначею:

— Дорогое право.

Тот ответил:

— Дешёвых прав на Данциг никто не предлагает.

Тринадцатого сентября 1309 года договор в Сольдине был заключён. Бранденбург уступал Ордену свои права на значительную часть Померелии с Данцигом. Десять тысяч марок превращались в печати и строки на пергаменте. Зигфрид получил сообщение о завершении сделки без торжества.

— Всё?

— Подписано.

— Свидетели?

— Есть.

— Копии?

— Готовят.

Он кивнул. Потом спросил:

— Польская сторона уже знает?

Знали. Реакция Владислава была предсказуемой. В польском окружении договор вызвал ярость именно потому, что был составлен спокойно и юридически тщательно. Можно было спорить с захватом города. Можно было требовать вернуть крепость. Но теперь рядом с силой появлялся документ, в котором две другие стороны называли сделку законной. Один из людей Владислава сказал:

— Они покупают нашу землю у человека, который не имеет права её продавать.

— Тогда придётся доказать, что не имеет, — ответил другой.

— Кому?

На этот вопрос хорошего ответа не было. Суду? Папе? Князьям? Самому Ордену? Каждая площадка требовала своих аргументов и своих людей. Спор о Данциге всё меньше был только военным. Он становился войной документов ещё до того, как стороны снова встретятся оружием. Он не собирался признавать, что Вальдемар мог продать Померелию.

Для него договор не делал захват законным. Он лишь добавлял к нему новую грамоту. Но в Мариенбурге на это и не рассчитывали. Теперь Орден мог отвечать: права приобретены у Бранденбурга за установленную цену, договор удостоверен, владение продолжается. Спор становился не меньше. Он становился юридическим. И это тоже было выгодно стороне, имевшей архив, деньги и время.

После подписания договора началась работа, которую никто не отмечал торжественными службами.

Нужно было уведомить людей на местах, какие права теперь Орден считает приобретёнными. Комтуры получали копии формулировок. Представители ехали по дорогам, где прежняя власть уже смешалась с новой. В одном месте сборщик Бранденбурга ещё требовал старый платёж, потому что не получил известия о сделке. В другом орденский служитель поспешил объявить землю своей раньше, чем пришло официальное подтверждение. Зигфрид приказал остановить обоих.

— Пока документ не доведён до места, не заставляйте людей угадывать, кому платить.

— Они и так знают, кто сильнее.

— Сегодня знают. Завтра принесут две расписки и потребуют вернуть деньги.

На одном пограничном участке представители обеих сторон встретились у ручья, который в старой грамоте считался ориентиром. Ручей за годы изменил русло.

— Граница шла здесь, — сказал бранденбургский человек, показывая на сухую ложбину.

— В тексте сказано «по воде».

— Вода была здесь.

— Теперь она там.

Спор продолжался до вечера. В конце решили временно оставить пользование землёй как было и отправить запрос выше. Так огромная сумма серебра и большая политическая сделка снова упирались в несколько саженей мокрого луга. Когда Зигфриду доложили, он только сказал:

— Хорошо, что не начали строить там башню до ответа.

Юрист не понял, шутит великий магистр или нет. Вечером Зигфрид позвал великого комтура.

— Венеция закончена.

Тот сразу понял. О переносе главного дома говорили давно, но решение всё ещё существовало в разговорах, подготовке, расчётах.

— Когда?

— Сейчас.

— После Сольдина?

— Именно после Сольдина.

Орден получил территорию к западу от Вислы, Данциг и новый выход к Балтике. Пруссия становилась не просто землёй, где братья воюют с язычниками. Здесь находились города, доходы, торговые пути, крепости и политические конфликты, которые определяли жизнь всего братства. Главный дом должен был находиться там, где решения нельзя откладывать на месяцы.

— Мариенбург готов? — спросил великий комтур.

Зигфрид усмехнулся.

— Нет.

— Тогда почему туда?

— Потому что он должен стать готов.

Решение о переезде превратило Венецию в большой склад, который нужно было разобрать без потери управления. Нельзя было просто закрыть двери и отправить всё на север. Пока сундуки находились в пути, великий магистр всё равно должен был отвечать на письма, выдавать подтверждения и пользоваться печатями. Составили порядок перевозки.

Сначала копии важнейших документов и часть казны. Затем люди канцелярии. Потом основные печати и оригиналы тех грамот, которые требовались чаще всего. Часть архива оставляли временно, пока Мариенбург не подготовит сухие помещения. Один из братьев спросил:

— А если судно погибнет?

После Акры этот вопрос никто не считал пустым. Поэтому документы разделили между несколькими партиями.

— Получается, главный дом какое-то время будет сразу в двух местах, — сказал писарь.

Зигфрид посмотрел на него.

— Нет. Главный дом будет там, где находится решение. Остальное — имущество в дороге.

Он уже знал, где будет решение. В Данциге известие о договоре встретили без общего чувства. Орденские служители увидели подтверждение тому, что новая власть останется надолго. Купцы — шанс наконец понять, кому платить и чьи правила учитывать. Люди, рассчитывавшие на возвращение Польши, восприняли договор как ещё одну преграду. В одном торговом доме собрались несколько старших горожан.

— Значит, Бранденбург продал нас, — сказал один.

— Он продал свои права.

— Какая разница?

Другой купец ответил:

— Для нас разница в том, придут ли его люди снова требовать деньги.

— А польские?

— Вот поэтому я не называю это миром.

Они спорили не о высокой законности. Их интересовало, какие печати будут стоять на следующем разрешении, кто отвечает за порт и не придётся ли ещё раз менять условия торговли. Для города политическая сделка становилась реальностью только тогда, когда менялся человек у ворот, ставка пошлины и имя в грамоте.

На следующий день начали готовить перевозку печатей, грамот, казны и людей. Главный дом уходил из Венеции в Мариенбург.

ГЛАВА 7
МАРИЕНБУРГ

14 сентября 1309 года

Утро над Ногатом было холодным и ясным. Ночной туман ещё держался над водой, но к восходу начал расходиться, открывая берег, пристань и стены Мариенбурга. Возле реки разгружали лодку с бочками. Во дворе двигались слуги, братья и мастеровые. Из церкви донёсся колокол. Зигфрид фон Фейхтванген подъезжал к замку без большой свиты.

Люди у дороги останавливались посмотреть на великого магистра, но никто не выстраивал торжественного представления. Зигфрид был этому рад. Он слишком хорошо знал, сколько обыкновенной работы скрывается за любым большим решением. У ворот его встретили старшие братья. Он спешился.

— Всё готово?

Один из встречавших оглянулся на замок.

— Насколько могло быть готово.

Зигфрид кивнул. Такой ответ нравился ему больше уверенного «да». Перед воротами произошла небольшая задержка, которую никто не планировал. Телега с сундуками канцелярии застряла на повороте. Возница слишком широко взял дугу, колесо попало в выбоину, и лошадь не могла вытянуть груз. Люди бросились помогать, одновременно пытаясь освободить дорогу великому магистру. Зигфрид поднял руку.

— Не трогайте ради меня.

Он спешился и несколько минут стоял рядом, пока колесо поднимали рычагом. Один из братьев смущённо сказал:

— Хорошее начало для главного дома.

— Очень хорошее.

— Почему?

— Сразу видно, чем придётся заниматься.

Колесо вытянули. Телега вошла во двор первой. Зигфрид — следом. Внутри Мариенбург ещё не выглядел местом, способным принять управление всем Орденом. Не хватало комнат. Не хватало мебели. Не было ясного порядка, кто где будет работать. Часть помещений по-прежнему принадлежала обычной жизни конвента, и теперь людям приходилось решать, что можно отдать центральной канцелярии, не разрушая сам дом братьев.

Комтур Мариенбурга встретил великого магистра с перечнем проблем длиннее приветственной речи. Зигфрид выслушал и сказал:

— Значит, всё действительно готово настолько, насколько могло быть готово.

Первым он пошёл в церковь. День Воздвижения Креста был слишком заметной датой, чтобы братья не чувствовали её смысла. Но во время службы Зигфрид старался не превращать совпадение в знак. Ему хватало того, что сегодня он должен решить вполне земные вопросы: где хранить бумаги, куда поставить казну, кого разместить рядом с канцелярией и каким способом привезти из Венеции то, без чего главный дом останется лишь названием. После службы один из братьев сказал:

— Хороший день для нового начала.

Зигфрид посмотрел на него.

— Для продолжения.

— Разве не одно и то же?

— Нет.

Он не стал объяснять дальше. Через несколько минут они уже спорили о помещении для архива. Комната находилась рядом с тем местом, где предполагалось разместить людей канцелярии. На первый взгляд подходила. Потом Зигфрид провёл пальцем по нижней части стены. Камень был влажным.

— Здесь бумаги хранить нельзя.

— Просушим.

— Стену?

— Помещение.

Зигфрид покачал головой.

— Пергамент не должен зависеть от того, хорошо ли вы сегодня растопили печь.

Брат нахмурился.

— Другого места почти нет.

— Значит, найдём.

— Казна заняла сухое.

— Казну тоже можно перенести.

Теперь брат посмотрел на него так, будто великий магистр предложил передвинуть сам замок. Зигфрид усмехнулся.

— Вот теперь мы действительно переехали.

К полудню выяснилось, что архив создаёт проблему раньше, чем успел прибыть. В Мариенбург приехали двое землевладельцев. Они спорили о полосе леса возле ручья. Один показывал копию старой грамоты, второй утверждал, что в ней пропущена важная строка. Писарь изучил документ.

— Подтверждение должно быть в старом списке.

— Где список? — спросил Зигфрид.

Писарь замялся.

— В Венеции.

В комнате стало тихо. Один из спорящих тут же сказал:

— Тогда решение невозможно?

Зигфрид посмотрел на него.

— Возможно. Но не сегодня.

— Лес рубят уже сейчас.

Второй возразил:

— На моей земле.

— Вот именно поэтому, — сказал Зигфрид, — до решения рубить не будет никто.

Оба заговорили одновременно. Великий магистр поднял руку.

— Комтур поставит людей на спорной полосе. Дерево не трогать. Когда получим подтверждение, решим.

Первый землевладелец недовольно спросил:

— И сколько ждать?

Зигфрид посмотрел на писаря. Тот назвал срок дороги до Венеции и обратно. Недовольство на лицах стало ещё сильнее. Когда спорщики ушли, великий магистр некоторое время молчал. Потом сказал:

— Вот почему архив должен быть здесь.

Писарь, стоявший рядом, не выглядел убеждённым.

— Если весь архив будет здесь, комтурствам всё равно придётся ждать копий.

— Да.

— Значит, расстояние не исчезнет.

— Не исчезнет.

— Тогда что меняется?

Зигфрид показал на закрытую дверь, за которой только что спорили землевладельцы.

— Теперь ждать будут решение из центра, а не центр будет ждать собственные документы из другого государства.

Это не делало систему быстрой. Но делало её управляемой. Вечером началась разгрузка ещё одной партии бумаг. Сундуки ставили в сухой комнате, временно освобождённой под архив. Каждый сверяли со списком. Один не нашли. Писарь побледнел. Начали проверять телеги, двор, пристань. Через полчаса выяснилось, что сундук остался на лодке под полотном: носильщики решили, что в нём хозяйственные вещи.

Зигфрид ничего не сказал человеку, отвечавшему за разгрузку. Только распорядился с этого момента ставить на каждый архивный сундук одинаковую метку.

— Наказания не будет? — спросил великий комтур.

— За что? За ошибку, которую мы обнаружили до того, как она стала потерей?

— Он отвечал.

— Теперь будет отвечать лучше.

На следующий день метки уже были на всех сундуках. Никто не ответил. Не требовалось. Через несколько часов пришло ещё одно дело, уже из Данцига. Город всё ещё жил после недавнего насилия и смены власти. Оттуда прибыл человек с письмом от орденского управления и

отдельной жалобой нескольких купцов. Одни требовали жёстче относиться к тем, кто поддерживал польскую сторону. Другие просили заранее установить пошлины и правила торговли. Зигфрид выслушал оба сообщения.

— Если человек признал нашу власть и платит установленное, зачем мешать ему торговать?

Брат, привезший письмо, ответил:

— Потому что вчера он мог быть против нас.

— Вчера мы брали город.

— Именно.

— А сегодня им нужно управлять.

— Вы хотите доверять им?

— Я хочу, чтобы они знали, что произойдёт, если будут соблюдать правила.

Брат нахмурился.

— Это не доверие.

— И не должно быть.

Зигфрид подвинул к себе список жалоб.

— Если один служитель берёт пошлину дважды, а другой требует третью только потому, что может, купец не станет разбираться, кто из них прав. Он уйдёт в другой порт.

— Данциг наш.

— Порт принадлежит тому, кто способен удержать торговлю, а не только ворота.

Эту фразу записывать не стали. Но поручение записали. Проверить сборы. Сверить распоряжения. Не требовать новых платежей без решения должностного лица, отвечающего за город. Когда человек из Данцига ушёл, Зигфрид попросил принести оставшиеся бумаги. Их оказалось больше, чем он ожидал. Просьба о зерне. Жалоба на комтура.

Сообщение из Ливонии. Список людей для службы. Письмо из германских земель. Он взял последнее. В нём один из братьев спрашивал, как изменится положение западных домов после переноса главного дома в Пруссию. Формулировка была вежливой. Вопрос — нет. Зигфрид прочитал дважды.

— Что ответить? — спросил писарь.

— Что их обязанности остаются прежними.

— И всё?

— Нет.

Он подумал.

— Напишите, что великий магистр остаётся великим магистром всего Ордена.

Писарь приготовился записывать дальше. Зигфрид остановил.

— Нет. Звучит так, будто мы уже оправдываемся.

Он подошёл к окну. За стенами тянулась равнина. По Ногату шли лодки. Внизу переносили сундуки.

— Напишите проще. Все обращения западных домов принимаются на прежнем основании. Назначения и права не меняются только потому, что главный дом теперь здесь.

— А деньги?

Зигфрид повернулся.

— Что деньги?

— Они спрашивают и об этом.

Вот теперь великий магистр усмехнулся.

— Конечно.

Он вернулся к столу.

— Никаких новых сборов без отдельного решения.

Писарь записал. Один из присутствовавших братьев заметил:

— Пруссии нужны деньги.

— Нужны.

— Тогда зачем заранее отказываться?

— Потому что если первый слух о нашем переезде будет звучать так: «великий магистр сел в Мариенбурге и потребовал больше денег», мы сами объясним западным братьям, чего им следует бояться.

Брат промолчал. Днём возник ещё один спор — уже внутри самого замка. Комтур Мариенбурга пришёл к великому магистру с требованием вернуть помещение, которое заняли люди центральной канцелярии.

— Там хранились запасы конвента.

— Их перенесли.

— В худшее место.

— Временно.

— Всё здесь теперь временно.

Зигфрид поднял голову. В голосе комтура не было неповиновения. Было раздражение хозяина дома, в который внезапно приехала большая семья родственников и объявила, что останется надолго.

— Что предлагаете?

Комтур развернул простой план помещений.

— Канцелярия получает это крыло. Но тогда ваши люди не занимают комнаты дальше без согласования.

— Мои люди?

— Люди великого магистра.

Зигфрид несколько секунд смотрел на него. Вот оно — первое разделение внутри одного замка: конвент и главный дом, местное хозяйство и центральная власть.

— Согласен, — сказал он. — Но если понадобится больше места, будем решать вместе.

Комтур кивнул.

— Именно этого я и хотел.

После его ухода Зигфрид сказал писарю:

— Запишите распределение помещений.

— Это тоже теперь документ?

— После сегодняшнего разговора — да.

Во второй половине дня состоялось первое большое совещание уже в новом главном доме. За столом оказались люди, которые прежде привыкли встречаться в разных местах. Великий комтур. Представители военного управления. Казначей. Братья, отвечавшие за Померелию. Человек с восточной границы. И сразу выяснилось, что само присутствие в одной комнате меняет скорость разговора.

Раньше вопрос о деньгах для укрепления мог неделями идти между Пруссией и Венецией. Теперь казначей сидел напротив человека, который просил средства.

— Сколько?

Назвали сумму.

— Почему столько?

— Дерево подорожало.

— Где?

— На месте.

— А если везти из другого владения?

Военный брат раздражённо сказал:

— Тогда заплатим дорогой.

Казначей ответил:

— Поэтому и спрашиваю, что дороже.

Зигфрид слушал спор и не вмешивался, пока оба не дошли до цифр. Так выглядело преимущество Мариенбурга, которого невозможно было записать одной красивой формулой. Люди, отвечавшие за разные части решения, могли спорить сейчас, а не обмениваться письмами месяц. Но вместе с преимуществом появилась новая опасность. Каждый хотел, чтобы его вопрос решали немедленно только потому, что все нужные люди сидят рядом.

К концу совещания на столе лежало больше просьб, чем решений. Зигфрид сказал:

— Завтра продолжим.

Один из братьев удивился:

— Все здесь. Почему не закончить сегодня?

— Потому что близость людей не делает день длиннее.

Несколько человек рассмеялись. Это был первый смех нового главного дома, возникший не на празднике, а из усталости. К вечеру Зигфрид поднялся на стену. За день он почти не успел посмотреть на замок как на крепость. Теперь Мариенбург лежал вокруг него целиком: стены, дворы, церковь, склады, люди. За Ногатом темнели поля. Рядом остановился один из братьев.

— Отсюда легче управлять Пруссией.

— Да.

— Значит, всё правильно.

Зигфрид посмотрел вниз, где двое слуг пытались протащить сундук через узкую дверь.

— Спросите меня через год.

Брат улыбнулся.

— Вы сомневаетесь?

— В переезде — нет.

Он указал на сундук.

— В том, что мы всё предусмотрели, — постоянно.

Ночью замок наконец затих. В помещении канцелярии ещё горел свет. Два писаря составляли список того, что должно прибыть из Венеции. Отдельно записывали документы, без которых нельзя было разбирать земельные споры. Рядом лежал перечень печатей. Зигфрид вошёл, просмотрел список и добавил ещё несколько позиций.

— Это всё? — спросил один из писарей.

— На сегодня.

Он вернулся в свою комнату. На столе уже лежали новые бумаги. Сверху — донесение из Померелии. Под ним — письмо из Риги. Ниже — сообщение с восточной границы. Зигфрид сел. Пустым стол в Мариенбурге оставался меньше одного дня.

ГЛАВА 8
НЕ МОНАСТЫРЬ

Мариенбург, 1310 год

Через несколько месяцев после переезда стало ясно: проблема была не в том, что Мариенбург мал. Проблема была в том, что его строили для другой жизни. В прежнем орденском доме было понятно, кто зачем находится внутри стен. Братья жили по распорядку конвента. Слуги обеспечивали хозяйство. Комтур управлял крепостью и землёй вокруг неё. Теперь к этому прибавились люди великого магистра, посланники, представители городов, писари, казначеи, братья из дальних домов и те, кто приезжал жаловаться на решения местной власти.

Свободные комнаты закончились быстро. Зигфрид стоял во дворе рядом с мастером и смотрел на стену, которую предлагали надстроить.

— Выдержит? — спросил он.

Мастер провёл ладонью по кирпичу.

— Стена — да.

— А что не выдержит?

— Основание пока не знаю.

— Когда узнаете?

— Когда откроем кладку.

Стоявший рядом брат заметил:

— Там работают люди канцелярии.

— Перевести.

— Куда?

Зигфрид повернулся. За последние месяцы этот вопрос стал почти шуткой. Почти.

— В северное помещение.

— Там люди казначея.

— Казначея ниже.

— Там запасы.

Несколько мгновений никто не говорил. Зигфрид посмотрел на мастера. Тот старательно изучал стену.

— Поэтому, — сказал великий магистр, — мы и строим.

В этот же день к нему пришли представители двух городов с жалобой, которая оказалась важнее основания стены. Они привезли два листа. На первом была расписка об уплате пошлины за товар. На втором — ещё одна расписка за тот же груз, полученная на следующем участке дороги. Зигфрид положил их рядом.

— Один товар?

— Один.

— Один владелец?

— Да.

— Два платежа?

— И третий требовали у переправы.

Брат, отвечавший за одну из областей, сразу возразил:

— Платежи разные.

Купец посмотрел на него.

— Для вас.

— Первый за проезд. Второй за рынок.

— А третий?

Брат замялся.

— За переправу.

Купец повернулся к великому магистру.

— Мы не спорим, что власть берёт пошлины. Мы хотим знать, сколько их будет до того, как отправим товар.

Зигфрид взял обе расписки. Суммы были небольшими. Именно поэтому местные служители не видели проблемы. Для отдельного сбора — мелочь. Для человека, который везёт товар через несколько владений, — совсем другое.

— Кто установил второй платёж? — спросил Зигфрид.

Брат назвал местного должностного человека.

— На каком основании?

— Так собирали и раньше.

— До того как главный дом оказался здесь?

— Да.

— А первый?

— Установлен другим комтурством.

Зигфрид откинулся на спинку кресла. Вот он, конфликт, которого не было видно на карте. Каждый местный управитель действовал разумно внутри своей земли. Вместе их разумные решения делали дорогу неразумной.

— Позвать обоих, — сказал великий магистр.

Через два дня они стояли перед ним. Ни один не считал себя виноватым. Первый объяснял расходы на мост. Второй — содержание рынка и охраны. Третий сбор на переправе вообще оказался старым обычаем, который никто давно не проверял.

— Если отменить мой платёж, — сказал один из комтуров, — мне нечем будет чинить дорогу.

— Если оставить всё как есть, — ответил Зигфрид, — по ней перестанут ездить.

— Не перестанут.

Купец, которого оставили при разговоре, вмешался:

— Перестанем.

Комтур резко повернулся.

— Куда вы денетесь?

— Туда, где заранее знаем цену.

Эта фраза задела сильнее, чем длинные объяснения. Зигфрид не отменил все сборы. Он приказал сверить их, установить, за что именно платит человек на каждом участке, и убрать то, что повторяет уже взысканное. Порядок следовало записать и разослать тем, кто отвечает за главные дороги и переправы.

Один из комтуров остался недоволен. После заседания он попросил поговорить без купцов.

— Раньше такие вопросы решали мы.

— Вы и сейчас решаете.

— Тогда зачем вы вмешались?

Зигфрид посмотрел на две расписки, всё ещё лежавшие на столе.

— Потому что ваш сосед тоже решил.

— У него своя земля.

— А у купца один товар.

Комтур молчал.

— Если каждая область видит только себя, — продолжил Зигфрид, — мне придётся видеть дорогу целиком.

— Значит, теперь всё будут решать в Мариенбурге?

— Нет.

— А где граница?

Вот это был правильный вопрос. Зигфрид не ответил сразу.

— Там, где ваше решение начинает менять жизнь за пределами вашей земли.

Комтур усмехнулся.

— Удобная граница.

— Неудобная. Поэтому мы и спорим.

Они расстались без согласия. Но распоряжение комтур выполнил. Вечером Зигфрид получил сведения: на одной из переправ сбор уже прекратили до нового решения. Это был первый результат. И первая обида. Мариенбург приобретал власть не только тогда, когда отдавал приказ. Ещё и тогда, когда местный человек начинал считать, что у него отняли право решать самому.

В следующие недели похожие вопросы возникали снова. Не все требовали вмешательства великого магистра. Некоторые Зигфрид отправлял обратно. Однажды писарь положил перед ним жалобу на местного комтура.

— Что случилось?

— Спор о мельнице.

— Комтур рассмотрел?

— Да.

— Тогда почему здесь?

— Жалобщик недоволен.

Зигфрид вернул лист.

— Недовольство ещё не делает дело моим.

Через час принесли другую жалобу.

— Это опять мельница?

— Нет. На самого комтура.

Зигфрид вздохнул.

— Тогда оставьте.

Так постепенно выстраивалась граница, которую нельзя было нарисовать один раз. Не всякая жалоба должна доходить до великого магистра. Но человек должен иметь возможность обратиться выше, если жалуется на того, кто сам должен был его судить. С каждым таким решением Мариенбург становился центром не по названию, а по привычке людей искать здесь последнее слово.

Это создавало новую опасность. Последнего слова хотели всё больше. Зигфрид заметил, что его стол заполняется вопросами быстрее, чем он успевает их читать. Однажды после утренней службы великий комтур положил перед ним пачку документов.

— Это на сегодня.

Зигфрид посмотрел.

— А это?

Он указал на вторую.

— На вчера.

— Прекрасно.

Великий комтур не улыбнулся.

— Нужно делить работу.

— Делим.

— Недостаточно.

Они начали разбирать дела прямо на столе. Военные — маршалу. Счета — казначею. Вопросы, которые мог решить местный комтур, — обратно. Жалобы на комтура — выше. Споры между областями — в Мариенбург. Городские вопросы, затрагивающие несколько дорог или порт, — отдельно. Никакого нового большого закона из этого не возникло.

Возникала практика. Именно она съедала дни. Поздно вечером один из старших братьев сказал Зигфриду:

— Мы всё больше похожи на княжеский двор.

Они шли после службы через холодный двор. У стены ещё работали мастера.

— Вам это не нравится? — спросил великий магистр.

— Я не знаю.

— Мне тоже.

Брат остановился.

— Но при дворе князя хотя бы понятно, кому служат.

Зигфрид посмотрел на него.

— Князю.

— А здесь?

— Ордену.

— Для человека, который ждёт у вашей двери, разница не всегда заметна.

Зигфрид не нашёл быстрого ответа. На следующий день он сам увидел эту дверь. Перед ней сидели трое просителей. Один держал свёрнутую грамоту. Другой приехал из города. Третий хотел получить назначение. Зигфрид остановился.

— Давно ждёте?

Первый поднялся.

— С утра.

— Почему не приняли?

Служитель ответил:

— Ждали вас.

— А кто может решить без меня?

Он просмотрел дела. Два из трёх передал другим должностным лицам. Третье оставил. Так разговор предыдущего вечера получил продолжение без нового рассуждения. Самым неприятным делом той весны стала жалоба не на пошлину и не на мельницу, а на самого комтура одного из крупных владений. Три землевладельца утверждали, что он потребовал дополнительные подводы для строительства и удерживал их дольше обещанного. Две лошади пали. Один человек не смог вовремя вывезти зерно на рынок.

Комтур прислал свой ответ заранее. Работы были необходимы для укрепления дороги и замка. Подводы требовались всем. Потери случились не по его вине. Зигфрид вызвал обе стороны. Комтур вошёл уверенно.

— Если каждый будет жаловаться на повинность великому магистру, мы перестанем управлять.

— Если никто не сможет жаловаться на вас, вы начнёте управлять слишком удобно.

— Что я нарушил?

Зигфрид повернулся к жалобщикам.

— Что вам обещали?

Один ответил:

— Вернуть подводы через три дня.

— Есть запись?

— Нет.

Комтур развёл руками.

— Значит, слово против слова.

— Нет, — сказал второй человек. — Нас было девять. Все слышали.

Начали разбирать по дням. Когда взяли лошадей. Где использовали. Кто отвечал за корм. Когда одна заболела. Кто решил не возвращать подводы после третьего дня. Выяснилось, что комтур действительно распорядился продлить работу, но не сообщил людям заранее и не определил возмещение потерь.

— Вы имели право потребовать службу? — спросил Зигфрид.

— Да.

— Тогда почему обещали три дня?

— Потому что рассчитывал закончить.

— Не закончили.

— Такое бывает.

— Тогда меняется и ваша обязанность перед людьми.

Комтур нахмурился.

— Какая?

— Не делать вид, что прежнее обещание продолжает действовать само собой.

Решение было простым. Повинность признали законной. За павших лошадей выплатили возмещение. Порядок дополнительных дней службы предписали оговаривать отдельно. Ни одна сторона не вышла полностью довольной. Зигфрид счёл это хорошим признаком. Глав-

ное произошло в другом: комтур, привыкший быть последней властью в своей земле, впервые получил письменное решение, объяснявшее, почему его собственное законное требование всё же может быть ограничено сверху.

В Мариенбурге после этого разговора несколько дней спорили, не создаёт ли великий магистр опасный обычай.

— Теперь каждый недовольный поедет сюда.

— Не каждый.

— Откуда они будут знать?

— Отсюда и узнают.

Зигфрид распорядился разослать комтурам краткое объяснение: местные повинности остаются в их ведении, но жалобы на превышение полномочий могут рассматриваться выше. Это не было новой конституцией. Просто очередной шов, которым приходилось сшивать государство из прежней системы замков. Строительство тоже не останавливалось. Основание под стеной вскрыли. Мастер снова позвал великого магистра.

— Здесь можно надстраивать.

— А дальше?

— Дальше хуже.

— Что предлагаете?

— Новое помещение рядом. Старую часть придётся убрать.

Зигфрид посмотрел на кладку.

— Хороший камень.

— Поэтому жалко.

— А место?

Мастер усмехнулся.

— Место нужнее.

— Тогда убирайте.

Через несколько дней во двор приехал представитель одного из епископов. По дороге к залу ему пришлось прижаться к стене, пропуская рабочих с длинной балкой. Он посмотрел на строительную пыль, потом на Зигфрида.

— Я ожидал увидеть главный дом Ордена.

— Вы его видите.

Посол оглянулся.

— Здесь?

— Пока именно так.

Это был честный ответ. Никакого готового дворца власти не существовало. Были тесные помещения, спорящие комтуры, купцы с расписками, мокрые стены, пачки жалоб и мастера, которые каждый день просили освободить ещё одну комнату.

Летом стройка добралась до кухни и хозяйственного двора, и тогда административная реформа столкнулась с тем, чего не учитывала ни одна грамота. Еда. Людей внутри стен стало заметно больше. Канцелярия, посланники, слуги, охрана, рабочие, гости. Пекарня работала дольше, расход зерна вырос, а старый порядок выдачи припасов предполагал совсем другое число ртов. Хозяйственный брат пришёл к великому комтуру с расчётами.

— Если так продолжится, осенью придётся закупать больше зерна.

— Закупайте.

— За чей счёт?

Вопрос оказался неожиданно политическим. Конвент считал, что дополнительные расходы создаёт главный дом. Люди великого магистра отвечали, что главный дом теперь и есть часть Мариенбурга. Казначей не хотел превращать центральную казну в оплату каждой лишней буханки. Зигфриду пришлось собирать их вместе.

— Сколько съедает обычный конвент?

Назвали цифру.

— Сколько добавилось после переезда?

Ещё одна цифра.

— Значит, это и есть расход главного дома.

Казначей возразил:

— Тогда придётся отдельно считать дрова, воду, корм лошадям, ремонт помещений.

— Придётся.

Хозяйственный брат усмехнулся.

— Через год у нас будет больше счётов, чем молитв.

— Тогда хотя бы не будем молиться о том, куда исчезло зерно, — ответил Зигфрид.

С этого дня расходы центрального управления начали отделять от обычных расходов конвента точнее. Не потому, что кто-то заранее придумал совершенную систему. Потому что кухня заставила. Зигфрид позже сказал великому комтуру:

— Запомните: государство начинается не в зале приёмов.

— А где?

— Там, где кто-то должен объяснить, кто оплатит хлеб.

Осенью в Мариенбург вернулся старый брат, несколько лет служивший далеко от Пруссии. Он долго стоял во дворе, наблюдая за людьми.

— Здесь стало шумно.

Зигфрид оказался рядом.

— Плохо?

— Раньше я знал почти каждого, кто входил в ворота.

По двору прошёл писарь с бумагами. За ним — гонец. У стены ждал человек из Данцига. Старый брат проводил их глазами.

— Монастырь стал большим.

Зигфрид покачал головой.

— Не монастырь.

Старик посмотрел на него.

— А что?

Великий магистр хотел ответить и не смог сразу. Из церкви прозвучал колокол. Почти одновременно у ворот крикнули, требуя открыть их гонцу. Зигфрид посмотрел сначала на церковь, потом на ворота.

— Сначала служба, — сказал он.

— А гонец?

— Подождёт.

После службы гонец всё ещё ждал. Донесение оказалось с восточной границы. Зигфрид прочитал его уже в комнате, где рядом лежали торговые жалобы, строительные расчёты и просьба о назначении. Старый брат был прав только наполовину. Монастырь действительно стал больше. Но внутри его стен появилось слишком много дел, которым одного монастырского распорядка было уже недостаточно.

ГЛАВА 9
КАРЛ ИЗ ТРИРА

1311 год

Пятого марта умер Зигфрид фон Фейхтванген. Мариенбург не остановился. Караулы менялись, обозы входили в ворота, на кухне пекли хлеб, из восточных комтурств приходили донесения. Несколько писем ещё шли к человеку, которого уже не было в живых. И всё же в замке стало тише. За полтора года все привыкли к тому, что великий магистр находится здесь. Его отсутствие показало это сильнее, чем присутствие.

После смерти князя начинают спрашивать о сыне. После смерти великого магистра — о капитуле. Зигфрид не оставлял наследника. Не должен был оставлять. Белый плащ нельзя передать сыну вместе с землёй. Следующего главу Ордена следовало избрать. Имя Карла из Трира возникло почти сразу. Он был человеком необычного происхождения для высших кругов братства. Его семья принадлежала к влиятельным горожанам Трира, а не к княжескому дому. Карл прошёл через западные комтурства, служил во Франции, Лотарингии и Бургундии, находился в Пруссии во время кризиса Готфрида фон Гогенлоэ, сопровождал Зигфрида и хорошо знал Венецию.

Он видел Орден с разных сторон. Это давало ему преимущество. И вызывало настороженность у тех, кто считал Пруссию особым миром, понять который можно только прожив в нём годы. Накануне решающего заседания один из старших братьев спросил Карла:

— Если выберут вас, останетесь в Мариенбурге?

Карл посмотрел на него.

— Главный дом здесь.

— Я спросил о вас.

— А я ответил о должности.

Больше они к этому не возвращались. В день капитула Карл почти не говорил. Он сидел среди людей, которые знали его с разных сторон. Для одних он был человеком западных домов, умевшим разговаривать с князьями и духовенством. Для других — братом, который уже видел Пруссию изнутри и не относился к ней как к далёкому военному краю. Третьи просто не хотели повторения спора, разрушившего правление Готфрида фон Гогенлоэ.

Перед началом заседания Карл встретил Вернера фон Орзельна. Вернер тогда ещё не принадлежал к тем, чьё имя называли первым, когда говорили о высшей власти. Но его знали как человека, способного слушать дольше, чем большинство.

— Вы голосуете за меня? — спросил Карл.

Вернер посмотрел на него.

— Если отвечу сейчас, зачем тогда капитул?

— Чтобы остальные тоже ответили.

Вернер усмехнулся.

— Хорошее начало для великого магистра. Уже хотите знать голоса заранее.

Карл рассмеялся. Напряжение ушло на несколько мгновений. После голосования оно вернулось в другой форме. Теперь каждое слово Карла переставало быть мнением одного брата и становилось словом человека, за которым стояла должность. Он почувствовал это сразу. Когда один из старших братьев подошёл поздравить, Карл машинально хотел ответить привычной шуткой, но увидел, как тот ждёт. Не шутки. Первого знака нового порядка.

Карл ограничился благодарностью. Власть начиналась ещё до первого приказа. Выбор состоялся до начала лета. Карл принял должность уже внутри новой системы. Для него Пруссия была не местом, куда великий магистр приезжает из Венеции решать особо важные дела. Здесь начиналась сама власть. Поздравления закончились быстро. На стол легли три группы сообщений.

Польша.

Литва.

Рига. Великий комтур сказал:

— Если начинать с ближайшего, то с Польши.

Маршал возразил:

— Ближайшая опасность на востоке.

Третий брат напомнил о рижских жалобах. Карл выслушал.

— Значит, начнём со всех трёх.

Это не было шуткой. В Померелии Польша не признавала захват Данцига и Сольдинский договор. На востоке продолжалась война с Литвой. В Ливонии старый конфликт Ордена с архиепископом Риги и городом смешивал церковное право, торговлю и борьбу за власть. Каждая проблема требовала другого языка. Литве отвечали войском.

Польше — войском и документами. Риге — документами, послами и осторожностью перед папским двором. Первым подробно разбирали Померелию. Карл смотрел грамоты.

— Если поляки скажут, что позвали нас в Данциг только на помощь?

Ему ответили.

— Если скажут, что Вальдемар продал то, что ему не принадлежало?

Снова ответ.

— А если этот вопрос задаст папский суд, который не обязан верить ни нам, ни полякам?

В комнате стало тише. Карл подвинул документы к писарю.

— Подготовьте дело для человека, который впервые слышит обе стороны.

Писарь вернулся через несколько дней с новым изложением. Карл прочитал первые страницы и остановился.

— Слишком много слов «очевидно».

— Но некоторые вещи очевидны.

— Нам.

Он зачеркнул одно место.

— Если вы пишете для судьи, который заранее согласен с нами, бумага вообще не нужна.

Писарь вздохнул.

— Тогда придётся объяснять события 1308 года почти с самого начала.

— Объясняйте.

— Получится вдвое длиннее.

— Пусть.

Карл заставил добавить польские возражения прямо в текст — не для того, чтобы ослабить собственную позицию, а чтобы ответ на них находился рядом, а не возникал после того, как противник уже произнёс обвинение. Один из братьев, увидев рукопись, раздражённо спросил:

— Зачем мы сами записываем их доводы?

— Потому что они всё равно их произнесут.

— Но так документ выглядит сомневающимся.

— Нет. Так он выглядит подготовленным.

Этот подход нравился не всем. В Пруссии привыкли, что сила позиции подтверждается прежде всего тем, что замок стоит, гарнизон подчиняется, пошлина собирается. Карл считал: за пределами Пруссии этого недостаточно. Там люди будут спрашивать не только кто владеет, но и почему считает владение законным.

— Наши права изложены ясно.

— Для нас.

Он поднял взгляд.

— Я прошу для человека, который нам ничего не должен.

С Литвой разговор получился короче. На карте лежал путь нового похода. Карл спросил:

— Что получим, если всё удастся?

Маршал перечислил: разорённые области, пленных, уничтоженные укрепления, ослабление противника.

— А через год?

— Пойдём снова.

Карл помолчал.

— Значит, мы умеем ходить в Литву. Но это ещё не значит, что умеем заканчивать литовскую войну.

Нескольким братьям формулировка не понравилась.

— Я не сказал прекращать походы, — добавил Карл. — Я сказал не путать поход с решением.

Рижские дела оказались тяжелее. Принесли одну стопку бумаг. Потом вторую. Карл читал жалобы, ответы, решения, свидетельства.

— Это всё?

— Нет.

Принесли ещё. Он усмехнулся.

— Теперь понимаю, почему война кажется проще.

Здесь особенно пригодился его западный опыт. Карл знал, как выглядит Пруссия для человека, который никогда не видел её замков и не слышал литовского набега ночью. Фраза «война с язычниками» не закрывала вопрос для папской курии. Наоборот, могла открыть несколько новых. Почему христианский архиепископ жалуется на Орден?

Почему польский князь говорит о захвате христианской земли? Почему конфликт в Риге тянется годами? После судьбы тамплиеров к подобным вопросам нельзя было относиться как к пустому раздражению. Карл требовал не только писать ответы. Понимать, как их услышат. Но уже в первые месяцы проявилась черта, которая нравилась не всем. Он слишком серьёзно относился к правилам.

— Так делали раньше, — объяснил один из сановников.

— Это не ответ.

— Так принято.

— Тогда покажите, где принятое стало правилом.

— Мы двадцать лет работаем именно так.

Карл посмотрел на него.

— Значит, двадцать лет у вас было время объяснить почему.

Для людей пограничья подобная манера казалась почти издевательством. Они привыкли решать быстро, потому что дорога, лёд или противник не ждут юридической ясности. Карл видел другую опасность: если каждый комтур сам определяет, какое правило мешает делу и потому может быть отброшено, общий порядок постепенно становится набором местных привычек.

В первые месяцы Карл заметил ещё одну вещь: близость великого магистра к Пруссии не только ускоряла решения, но и увеличивала число людей, желавших получить его лично. До переноса центра спор, который решал местный комтур, обычно на этом и заканчивался. Теперь недовольный мог сказать: великий магистр в Мариенбурге, почему бы не обратиться к нему?

Однажды перед дверью Карла ждали трое. Первый жаловался на земельную границу. Второй — на размер повинности. Третий — на решение комтура, который отказал в праве открыть мельницу. Карл выслушал первого. Потом спросил:

— Вы обращались к комтуру?

— Да.

— Его решение записано?

— Да.

— Почему оно неправильно?

Человек начал объяснять. Карл слушал внимательно, но в конце сказал:

— Я не стану отменять решение только потому, что вы дошли до Мариенбурга.

Проситель покраснел.

— Тогда зачем великий магистр здесь?

Вопрос прозвучал дерзко. Стражник у двери сделал шаг. Карл остановил его взглядом.

— Чтобы комтур знал, что на него можно пожаловаться, если он нарушит правило. Не для того, чтобы каждый проигравший спор начинал его заново.

Человек ушёл недовольным. Карл посмотрел на великого комтура.

— Если мы будем принимать всё, местная власть скоро перестанет быть властью.

— А если не принимать ничего, люди решат, что жаловаться бессмысленно.

— Поэтому придётся каждый раз разбираться, что перед нами: жалоба на решение или попытка получить другое решение.

Такой работы никто не изображал на печатях великого магистра. Она занимала больше времени, чем многие переговоры с князьями. Вечером Карл рассказал об этом одному из братьев, приехавшему из германских земель. Тот усмехнулся.

— В Трире вы занимались бы тем же.

— Нет.

— Почему?

— В Трире ко мне не шёл бы крестьянин спорить о мельнице в Пруссии.

Брат посмотрел на него.

— Именно поэтому вы здесь.

Карл ничего не ответил. Рижское дело заставило Карла впервые после избрания отправить на запад человека не просто с письмом, а с подробными инструкциями, как говорить. Посланник прочитал их и нахмурился.

— Здесь больше о том, чего не говорить, чем о том, что говорить.

— Потому что ошибка в одном слове может стоить дороже длинного молчания.

— Если меня спросят, почему Орден конфликтует с архиепископом?

— Не отвечайте, что архиепископ враг.

— Но он действует против нас.

— Это не одно и то же для папского двора.

Карл прошёлся по комнате.

— Говорите о правах. О договорах. О действиях города. О том, что можно подтвердить.

— А если они начнут говорить о наших войсках?

— Тогда объясните, почему войска появились. Не отрицайте то, что легко проверить.

Посланник сложил листы.

— Вы хотите выиграть спор или понравиться им?

Карл остановился.

— Выиграть. Поэтому мне не нужно, чтобы они поймали вас на первой удобной лжи.

После его ухода великий комтур заметил:

— Вы разговариваете с ними так, будто они уже нам не верят.

— Они нам и не обязаны верить.

— Вы часто это повторяете.

— Потому что мы слишком часто забываем.

В этой фразе тоже скрывалась будущая причина раздражения. Карл требовал от братьев смотреть на Орден глазами чужого человека. Для тех, кто привык десятилетиями защищать Пруссию, это иногда звучало как сомнение в собственной правоте.

Осенью он объехал часть владений. Проверял склады, документы, работу комтуров. В одном месте по отчёту должно было находиться зерна почти вдвое больше, чем лежало на самом деле.

— Почему?

Комтур объяснил плохой урожай, дополнительные расходы, поставку в соседний замок.

— Когда отправили отчёт?

Назвали дату.

— Всё это уже произошло?

— Да.

— Значит, времени исправить отчёт хватило.

Наказания на месте не было. Но вскоре из Мариенбурга пришло распоряжение: подобные расхождения объяснять отдельно. Кому-то это показалось мелочью. Карл видел в пустом складе другое. Если война начнётся зимой, ошибка в бумаге превратится в отсутствие хлеба. К концу года стало ясно: новый великий магистр умеет держать одновременно несколько направлений.

Но вместе с этим росло раздражение людей, которым казалось, что он слишком часто вмешивается в то, что раньше решалось без него. На одном из заседаний старший брат спросил:

— Что теперь главное? Литва? Польша? Рига?

Карл посмотрел на бумаги.

— Чтобы нам не пришлось решать всё одновременно.

Никто не засмеялся. Сильное государство способно вести тяжёлую войну. Гораздо труднее выдержать несколько войн и внутренний спор сразу. Карл хотел не допустить именно этого. Но в Пруссии уже начинали считать, что главным источником внутреннего спора становится он сам.

ГЛАВА 10
БРАТЬЯ

1317–1318 годы

К шестому году правления Карла из Трира те качества, за которые его избирали, стали называть иначе. Осторожность — нерешительностью. Требовательность — придирчивостью. Соблюдение устава — неспособностью понять Пруссию. Ни один спор сам по себе не объяснял накопившегося раздражения. Менялись назначения. Перераспределялись полномочия. Великий магистр вмешивался в дела, которые прежде решали прусские сановники. Переговоры с Польшей казались одним братьям разумными, другим — проявлением слабости. После переноса главного дома в Мариенбург прежняя система управления землёй не исчезла сразу, и люди, привыкшие к широкой самостоятельности, всё чаще чувствовали рядом чужую руку.

На одном из заседаний говорили о Померелии. Карл предлагал продолжать переговоры с польской стороной. Фридрих из Вильденберга слушал молча, потом спросил:

— Что именно мы должны предложить?

— Сначала узнать, что позволит снять угрозу войны.

— Они хотят Померелию.

— Знаю.

— Тогда ответ уже известен.

Карл посмотрел на него.

— На их требование. Не на вопрос, как избежать войны.

— А если избежать нельзя?

— Будем воевать.

Фридрих помолчал.

— Мы взяли землю оружием. Купили права Бранденбурга. Держим её много лет.

— Всё верно.

— Что ещё обсуждать?

— Когда и с кем нам придётся воевать, если можем не делать этого сейчас.

Фридрих усмехнулся.

— Объясним полякам, что нам неудобно?

В комнате стало тихо. Карл ответил спокойно:

— Нет. Сделаем так, чтобы противник не выбирал время только потому, что нам нравится собственная решительность.

После заседания люди расходились группами. Великий магистр видел это. Не слышал разговоров. И не нуждался в них, чтобы понимать настроение. Конфликт был глубже Польши. Карл часто менял высших должностных лиц. Для него это не позволяло человеку превращать комтурство или службу в личную область влияния. Для сановника, годами строившего связи, каждое перемещение выглядело недоверием.

Особенно болезненным оставался вопрос прусского управления. Когда великий магистр жил в Венеции, местная власть неизбежно была широкой. Теперь глава всего Ордена находился в Мариенбурге и хотел видеть больше дел сам. В какой момент полезная близость превращается в вмешательство, никто не мог определить одинаково. Особенно тяжёлым оказался спор из-за одного назначения.

Карл решил перевести опытного комтура из области, которой тот управлял много лет. Формально ничего необычного не происходило: брат служил Ордену, а не одной земле. Но вокруг него уже сложилась сеть людей, привыкших обращаться именно к нему. Местные держатели знали его требования, служилые — порядок сборов, соседи — характер переговоров.

Когда распоряжение пришло, комтур не отказался. Он попросил отсрочку.

— До завершения зимних поставок.

Карл согласился. Потом появилась новая причина: нужно закончить спор о земле. Затем — дождаться возвращения отряда. Через несколько месяцев великий магистр понял, что приказ выполняют так, чтобы он никогда не был нарушен и никогда не завершился. Он вызвал комтура.

— Вы хотите остаться?

— Я хочу передать дела в порядке.

— Когда порядок будет достаточным?

— Когда новый человек сможет принять всё без потерь.

— Тогда он никогда не приедет. Потому что научиться вашей земле можно только здесь.

Комтур молчал. Карл продолжил:

— Назовите настоящую причину.

— Люди мне доверяют.

— Хорошо.

— Новый человек будет начинать сначала.

— Да.

— Зачем разрушать то, что работает?

Карл посмотрел на него.

— Чтобы однажды вы не решили, что работаете здесь потому, что земля ваша, а не потому, что Орден поручил её вам.

Это было именно то, чего комтур боялся услышать. Он поклонился.

— Значит, вы мне не доверяете.

— Я не доверяю власти, которая слишком долго привыкает к одному человеку.

Комтур уехал выполнять приказ. Через неделю по Пруссии уже говорили, что Карл снимает людей только затем, чтобы расставить собственных сторонников. Он услышал слух и понял, что объяснить решение теперь труднее, чем принять его.

Зимой Карлу всё чаще приходилось сталкиваться не с открытым отказом, а с медленным исполнением. Приказ выполнялся. Но позже. Сведения приходили. Но неполные. На совещании соглашались. Затем выяснялось, что каждый понял решение по-своему. Карл отвечал ещё более строгим требованием порядка. Это только усиливало сопротивление. Весной он вызвал Фридриха из Вильденберга без свидетелей.

— Я слышу слишком много разговоров о недовольстве.

— Тогда спрашивайте недовольных.

— Я спрашиваю вас.

Фридрих помолчал.

— Хорошо. Братья считают, что вы не доверяете Пруссии.

— Я живу в Пруссии.

— Это не одно и то же.

— Объясните.

Фридрих подошёл к столу.

— Здесь война не ждёт решения капитула. Комтур не может каждый раз спрашивать, правильно ли понял устав, когда люди уже седлают коней. Мы жили так до того, как великий магистр приехал в Мариенбург.

— И продолжаете жить.

— Пока наше решение не противоречит вашему пониманию порядка.

— Моему? Уставу.

Фридрих покачал головой.

— Вы говорите так, будто это одно и то же.

Карл впервые повысил голос:

— А вы говорите так, будто опыт даёт право самому решать, когда правило больше не действует.

— Иногда даёт.

Пауза затянулась. Вот здесь спор проявился честнее всего. Карл видел Орден как систему, в которой опыт полезен внутри правила. Фридрих — как братство людей, где правило должно уступать там, где человек на месте знает больше. Они говорили ещё долго. О назначениях. О Померелии. О должностях.

О границах власти великого магистра. Несколько раз казалось, что можно договориться. Потом одно слово возвращало всё назад. Накануне большого собрания Карл прошёл через замковый двор поздно вечером и увидел свет в помещении, где обычно собирались несколько высших братьев. Он мог войти. Не вошёл. Рядом оказался Вернер фон Орзельн.

— Они там? — спросил Карл.

— Да.

— Знаете о чём говорят?

— О вас.

Ответ был слишком прямым, чтобы сердиться. Карл остановился.

— И?

Вернер пожал плечами.

— У каждого своя причина.

— А у вас?

— Оставаться снаружи и не делать вид, что разговоров нет.

Карл посмотрел на освещённое окно.

— Я могу приказать им явиться завтра и говорить то же самое мне.

— Можете.

— Но?

— Тогда они будут говорить осторожнее. Вы узнаете меньше.

Великий магистр усмехнулся.

— Хороший совет для человека, который должен поддерживать мою власть.

— Я поддерживаю её не тем, что сообщаю приятные вещи.

Они пошли дальше. Карл спросил:

— Если они потребуют моего ухода, вы тоже будете считать это мнением, которое надо выслушать?

Вернер ответил после паузы:

— Выслушать — да. Согласиться — нет.

— Почему?

— Потому что завтра другой круг братьев потребует убрать следующего великого магистра. Тогда у нас останутся выборы без власти.

Карл кивнул. Разговор не успокоил. Но хотя бы давал ощущение, что рядом существует человек, видящий проблему не как борьбу двух лагерей. Перед открытым собранием Вернер попытался ещё раз свести Карла и нескольких прусских сановников за одним столом без формального заседания. Они встретились вечером. Без писарей. Без протокола. Только люди, которые слишком долго говорили друг о друге через третьих лиц.

Сначала обсуждали конкретные дела. Потом один из братьев сказал:

— Дело не в Померелии.

Карл ответил:

— Знаю.

— И не в назначениях.

— Тогда скажите, в чём.

Брат помолчал.

— Вы считаете Пруссию землёй, которую нужно привести к правильному порядку.

— А вы?

— Землёй, которая уже имеет порядок.

Карл повернулся к Вернеру.

— Вот. Наконец.

Фридрих из Вильденберга вмешался:

— Не надо делать вид, что мы против порядка. Мы против того, чтобы каждую местную привычку объявляли ошибкой только потому, что её нет в бумаге.

— А я против того, чтобы каждую привычку объявляли правом только потому, что она удобна вам.

Разговор становился жёстче. Вернер почти не вмешивался. Только один раз, когда оба начали повторять уже сказанное, произнёс:

— Вы спорите о том, кому принадлежит право решать исключение.

Все замолчали. Это было точнее большинства долгих речей. Карл считал, что исключение разрешает центр. Прусские сановники — что человек на месте. Компромисс был возможен в каждом отдельном деле и почти невозможен как общий принцип. Они разошлись поздно. Никто не хлопнул дверью. Но Вернер понял, что следующий разговор будет уже не частным.

Летом стало ясно: речь уже не о нескольких раздражённых людях. Старшие прусские братья собрались открыто. Капитул имел право обсуждать действия главы. Великий магистр не был наследственным государем. Его избирали братья, и именно это делало положение Карла особенно трудным. Обвинения звучали осторожно. Не было одного преступления, которое можно доказать или опровергнуть.

Говорили о способе управления. О перестановках. О вмешательстве. О Померелии. О разрушенном доверии. Один из братьев спросил:

— Если половина руководителей Пруссии считает, что не может служить с вами, кто должен уйти?

Карл ответил:

— Если они не могут служить со мной как с великим магистром, пусть решат, могут ли служить великому магистру вообще.

Фридрих из Вильденберга сказал:

— Великий магистр существует для Ордена. Не Орден для великого магистра.

Обе фразы звучали правильно. И вместе не давали выхода. Карл предлагал менять распределение полномочий. Обсуждать назначения. Отделить часть прусских дел от общих. Но каждую уступку уже воспринимали как попытку удержаться. Он понял это раньше других.

— Если моё пребывание здесь мешает Ордену больше, чем мой уход, я уйду.

Несколько человек переглянулись.

— Я не стану превращать Мариенбург в крепость против собственных братьев.

Он уехал. Отъезд оказался тише, чем ожидали многие. Во дворе не было толпы. Несколько братьев пришли попрощаться. Другие сознательно остались внутри, чтобы их присутствие не выглядело поддержкой человека, с которым они только что разошлись. Карл заметил это. Ничего не сказал. Вернер подошёл перед самым выездом.

— Вы едете в Трир?

— Сначала на запад. Потом увидим.

— Вернётесь?

Карл посмотрел на стены Мариенбурга.

— Сегодня я не хочу отвечать на вопросы, ответ на которые зависит не от меня.

Он сел на коня. У ворот задержался на мгновение, будто хотел ещё что-то сказать. Не сказал. После его отъезда замок не изменился. Те же люди шли в церковь. Те же писари работали с документами. Те же караулы стояли у ворот. Но отсутствие Карла ощущалось почти физически. Несколько лет прусские братья спорили с его вмешательством. Теперь часть тех же людей обнаружила, сколько дел автоматически уходило к великому магистру просто потому, что он находился рядом.

Фридрих из Вильденберга принял восстановленную должность ландмейстера и уже через несколько дней получил пачку вопросов, которые раньше отправили бы Карлу. Один из братьев заметил:

— Теперь хотя бы решаем сами.

Фридрих посмотрел на бумаги.

— Теперь хотя бы сами отвечаем за ошибки.

Это прозвучало не как торжество. После его отъезда в Пруссии снова восстановили отдельную должность ландмейстера. Её получил Фридрих из Вильденберга. Для прусских братьев это было возвращением работоспособного порядка. Для сторонников Карла — доказательством того, что конфликт шёл не только вокруг его характера, но и вокруг власти.

Однако Пруссия была не всем Орденом. На западе Карла встретили иначе. В германских домах задавали простой вопрос: может ли одна земля заставить главу всего братства отказаться от должности? Если сегодня это делает Пруссия, завтра то же может потребовать другая область. Карл не устраивал поездок в поисках сторонников.

Его присутствие само превращалось в спор. Карл тем временем ехал через дома Ордена, где его конфликт с Пруссией выглядел совсем иначе. В одном германском доме после ужина комтур спросил прямо:

— Вы отказались от должности добровольно?

Карл подумал.

— Я согласился уйти.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

— Вас заставили?

— Если человек остаётся там, где половина руководителей больше не хочет с ним работать, кого он заставляет сильнее — их или себя?

Комтур нахмурился.

— Но если Пруссия может убрать великого магистра, почему завтра мы не сможем сделать то же?

Вот этот вопрос Карл слышал всё чаще. Он не убеждал людей поддерживать его. Не требовал писем. Но каждый подобный разговор превращал личный конфликт в вопрос устройства всего Ордена. К Эрфурту Карл приехал уже понимая: обсуждать будут не только его ошибки.

Будут решать, где заканчивается право одной земли сопротивляться главе и начинается распад общего управления.

В начале 1318 года созвали общий капитул в Эрфурте. Теперь прусский конфликт обсуждали перед братьями из разных земель. Карл не требовал мести. Один из близких людей спросил:

— Значит, забыть?

— Нет.

— Простить?

— Устроить так, чтобы это не повторилось.

Общий капитул подтвердил Карла в должности. Но в Мариенбург он не вернулся. Это стало компромиссом. Пруссия сохраняла непосредственное управление. Фридрих оставался ландмейстером. Карл руководил Орденом с запада. Система выглядела странно, но позволяла не расколоть братство на две стороны. После заседания один из братьев поздравил Карла.

— Вас восстановили.

— Да.

— Значит, победили.

Карл посмотрел на него.

— Победа была бы, если бы мне не пришлось уезжать из Мариенбурга.

Он не говорил больше. Внутренний кризис закончился не торжеством. Усталостью и необходимостью жить дальше вместе.

ГЛАВА 11

ЗА НЕМАНОМ

1316–1324 годы

Когда Гедимин стал великим князем литовским, война с Орденом уже не нуждалась в объявлении. Она существовала как время года. Когда мороз связывал болота и реки, в прусских замках проверяли оружие, считали коней, сушили припасы. По другую сторону Немана следили за дорогами, уводили скот, укрепляли места, где можно было встретить отряд.

Генрих фон Плоцке знал эту войну давно. С 1313 года как великий маршал он снова и снова вёл людей на восток. Бисена. Медининкай. Паштува. Велюона. Пештве. Названия возвращались в донесениях, будто сами земли отказывались исчезать после разорения. Перед походом Генрих фон Плоцке несколько дней провёл в Мемеле.

Он проверял не только людей и коней. Вызывал проводников, расспрашивал о дорогах, требовал повторить сведения по отдельности, чтобы один не подстраивался под другого.

— Здесь лес сухой?

— Летом да.

— После дождя?

— Тяжёлый.

— Здесь можно пройти двумя колоннами?

Проводник покачал головой.

— Одной.

Генрих отметил место. Опыт прошлых походов учил его: карта редко показывает то, что решает судьбу отряда. На ней нет глубины грязи, ширины просеки, дерева, которое можно свалить поперёк дороги. Один из братьев спросил:

— Вы ожидаете засаду?

— Я ожидаю, что они знают свою землю лучше нас.

— Тогда зачем идти той же дорогой?

— Потому что другой для тяжёлых коней почти нет.

Ответ не понравился ни одному из них. Но хороших дорог война не обещала. Летом 1320 года Генрих снова пошёл в Медининкай. С ним было около сорока братьев и значительно

больше служилых воинов, прусских всадников, людей из Самбии и Мемеля. Отряд вошёл глубоко. Сопротивление казалось слабым. Поселения жгли. Брали скот. Уводили людей. Часть деревень оказалась покинутой заранее.

На обратном пути добыча растянула колонну. Лес становился гуще. Дорога уже. Впереди лежали срубленные деревья. Генрих понял первым.

— К знамени!

Приказ пошёл назад. Почти одновременно ударили жемайты. Они не пытались остановить Орден в начале похода. Ждали возвращения, когда люди устали, кони были нагружены, а колонна растянулась. Тяжёлой коннице негде было развернуться. Лошадь одного брата рухнула поперёк дороги. Следующий наткнулся на неё. Третий ушёл между деревьями и потерял строй.

Жемайты били сбоку, отходили и снова появлялись. Генрих пытался собрать людей вокруг знамени. Долгое время это удавалось. Потом строй начал ломаться. Он видел, как падают братья, с которыми ходил в походы годами. Сам Генрих из леса не вышел. В Мариенбург люди возвращались поодиночке. Одни говорили, что видели великого маршала мёртвым. Другие не были уверены. Проверяли имена. Ждали тех, кто мог выбраться иной дорогой. Искали сведения о пленных.

В одном из помещений перед великим комтуром лежал список. Имя. Должность. Где служил. Что известно. Писарь остановился на очередной строке.

— Здесь два сообщения.

— Какие?

— Один видел его убитым. Другой говорит, что его увели.

— Значит, не записывать погибшим.

Писарь помолчал.

— Родственникам что сообщать?

Великий комтур посмотрел на строку. У орденского брата не должно было быть собственной семьи в обычном смысле. Но где-то оставались мать, братья, сёстры, дом, из которого он когда-то ушёл.

— Что известно, то и сообщать. Не больше.

Писарь кивнул. В другой комнате считали потерянных коней и оружие. Так поражение разбирали на части. Человек. Конь. Меч. Хоругвь. Деньги. Один молодой брат, вернувшийся без товарища, с которым делил комнату, долго стоял у двери церкви. Священник заметил.

— Почему не входишь?

— Не знаю, что говорить.

— Не обязательно говорить.

Молодой брат посмотрел на него.

— Мы шли крестить язычников.

— И?

— А они убили нас лучше, чем мы их.

Священник не ответил. Открыл дверь.

— Тогда просто зайди.

После Мединикай на восточной границе стали осторожнее. Но не тише. Гедимин тоже не собирался ждать следующего похода, ничего не меняя. В Вильно у него на столе лежали совсем другие средства войны. Письма. Княжеский писарь разложил несколько листов. Рядом сидел францисканец Генрих, немец по происхождению, знавший язык западных канцелярий и привычный им способ обращения. Гедимин слушал, как ему читают уже составленную часть.

— Слишком много о них, — сказал он.

Писарь поднял голову.

— О ком?

— Об Ордене.

— Вы хотите жаловаться папе на Орден.

— Я хочу, чтобы папа услышал меня.

Монах осторожно сказал:

— Для этого нужно объяснить, почему великий князь Литвы, оставаясь язычником, обращается к нему.

Гедимин посмотрел на него.

— Вот это и напишите.

— Что именно?

— Что христиане живут в моих землях. Что им не запрещают молиться. Что купцы приезжают. Что священники тоже могут приезжать.

Писарь записывал. Монах спросил:

— А крещение?

В комнате стало тише. Гедимин не ответил сразу. За стенами находился двор. Где-то лаяла собака. В соседнем помещении говорили люди.

— Напишите, что я готов слушать.

Монах нахмурился.

— В Риме захотят большего.

— Пусть сначала ответят.

— Они могут понять это как обещание.

Гедимин посмотрел прямо на него.

— А вы напишите так, чтобы они поняли, что я открыл дверь. Не то, что уже вошёл в неё.

Генрих не записал сразу.

— В Риме различие могут не услышать.

— Тогда заставьте услышать.

— Я могу подобрать слова. Не могу управлять надеждой человека, который их читает.

Гедимин поднялся и подошёл к окну.

— Если я напишу слишком мало, письмо выбросят. Если слишком много — мои люди решат, что я уже сделал выбор за них.

В комнате сидели несколько княжеских советников. Один из православных людей великого князя до этого молчал.

— И не только твои язычники, — сказал он.

Гедимин повернулся.

— Говори.

— Если ты принимаешь римскую веру, русские земли спросят, что будет с их церковью.

Другой, жемайтский вельможа, резко добавил:

— А мы спросим, чем римская вера отличается от белых плащей.

Францисканец Генрих опустил глаза к листу. Он оказался посередине спора, который нельзя было разрешить хорошей латынью. Гедимин вернулся к столу.

— Поэтому пока письмо не о том, что я уже крестился. Оно о том, что я готов говорить.

— Запад услышит обещание, — снова сказал монах.

— Пусть услышит возможность.

На этом остановились. Слова оставались намеренно широкими. Каждый адресат мог увидеть в них немного больше, чем другой. И именно поэтому письмо имело шанс открыть разговор. Писарь остановил перо. Он тоже понял, насколько важна разница. В другом письме говорили о городах. Гедимин хотел ремесленников, купцов, земледельцев, людей, умеющих строить и лечить.

— Зачем столько обещаний? — спросил один из литовских вельмож, когда текст прочитали ему позже.

— Потому что люди едут туда, где могут жить.

— Немцы?

— И немцы.

Вельможа посмотрел тяжело.

— Те же, что приходят с белыми плащами?

— Не всякий немец носит белый плащ.

— Пока.

Гедимин не рассердился. Такие разговоры были полезны именно потому, что показывали предел, за который он не мог зайти одним решением. Для части его людей католическая вера была не отвлечённым спором о догматах. Она приходила с крепостями Ордена. Отделить одно от другого в письме было легче, чем в памяти людей.

Письма ушли на запад. К папе Иоанну Двадцать Второму. К городам. К духовным орденам. Через некоторое время их содержание стало известно и в Мариенбурге. Копию положили перед старшими братьями. Один из них прочитал несколько строк и бросил лист на стол.

— Ложь.

Другой поднял.

— Какая именно?

— Всё.

— Это не ответ.

— Он хочет остановить войну.

— Разумеется, хочет.

— Значит, обманывает.

Разговор становился громче. Старший брат у стола остановил их.

— Если папа поверит ему хотя бы наполовину, что мы скажем?

— Что Гедимин язычник.

— Он этого не скрывает.

— Что его люди разоряют христианские земли.

— Он скажет то же о нас.

Теперь замолчали. Проблема была не в том, что Мариенбург не знал своих доводов. Проблема была в другом: впервые великий князь говорил с теми же людьми, перед которыми Орден привык объяснять эту войну сам. С запада пришло письмо Карла из Трира. Его прочитали на совещании. Карл требовал собирать свидетельства о нападениях, нарушениях договорённостей и действиях литовских отрядов. Но отдельно предупреждал: нельзя выглядеть людьми, которым выгодно, чтобы Гедимин оставался язычником. Один из братьев раздражённо сказал:

— Значит, мы должны помочь ему креститься?

Читавший письмо ответил:

— Если он действительно хочет — разве нет?

В комнате снова стало тихо. Вопрос был слишком простым. И потому неудобным. Тем временем в Риге письма Гедимина читали люди, которых интересовала не только вера. Купцы спрашивали о дороге по Двине. Сколько раз придётся платить. Кто отвечает за товар. Можно ли снова отправлять людей в литовские земли без страха, что их задержит первый вооружённый отряд. Один из городских людей сказал представителю духовенства:

— Если великий князь действительно откроет дорогу, мне всё равно, сколько богов он чтит у себя дома.

— Папе не всё равно.

— Папа не везёт воск и ткань через лес.

— А если завтра война начнётся снова?

Купец пожал плечами.

— Тогда я потеряю деньги. Но сегодня война уже мешает мне их заработать.

Так дипломатия Гедимина находила союзников не только среди тех, кто спорил с Орденом о власти. Мир был нужен людям, которые хотели торговать. Для Мариенбурга это делало положение сложнее. Военный довод можно опровергать военным доводом. Купца, который хочет свободной дороги, труднее убедить, что война должна продолжаться ради его же пользы.

Осенью 1323 года в Вильно приехали послы из Ливонии, Риги, епископских земель и Северной Эстонии. На переговорах говорили уже не о намерениях, а о дорогах, торговле, безопасности и мире. Гедимин принимал их не как проситель. Перед ним сидели люди, каждый из которых хотел своего. Рига — торговли.

Епископы — меньшего давления Ордена. Ливонские представители — передышки и понятной границы. Гедимин — времени. Один из послов спросил:

— Если мы объявим дороги свободными, кто отвечает за купца, которого ограбят ваши люди?

— Тот, на чьей земле это произошло.

— А если виновные уйдут?

— Будем искать.

— Так отвечают все правители.

Гедимин усмехнулся.

— Значит, сегодня я ответил как христианский князь?

Посол не улыбнулся.

— Сегодня вы ответили как князь.

Это Гедимина устроило больше. Соглашение было заключено. Когда известие дошло до прусских братьев, радости оно не вызвало.

— Ливония получит мир, — сказал один из них.

— Если договор удержится.

— А Гедимин освободит людей против нас.

— Возможно.

— И мы должны смотреть?

Старший брат ответил:

— Мы должны знать, что именно они подписали, прежде чем решать.

Это было раздражающе медленно. Но после Медининкай многие уже осторожнее относились к решениям, принятым только потому, что хочется ответить быстро. Когда договор вступил в действие, первые торговые люди двинулись осторожно. Никто ещё не верил бумаге настолько, чтобы отправлять самый дорогой товар. Один обоз вернулся без потерь.

Другой задержали на несколько дней из-за спора о платеже, потом отпустили. Из подобных мелочей соглашение превращалось либо в мир, либо снова в пергамент. В Мариенбурге следили за этим почти так же внимательно, как за передвижением литовских отрядов. Если дороги действительно оживут, Рига и часть ливонских сил будут заинтересованы сохранять договор собственными деньгами. Один брат сказал на совещании:

— Значит, Гедимин покупает мир торговлей.

— Он делает так, чтобы другим было выгодно не воевать, — ответил старший.

— Разве это не одно и то же?

— Нет. Покупка заканчивается, когда закончились деньги. Выгода живёт, пока существует дорога.

Это был ещё один вид войны, к которому Пруссия только привыкала. В 1324 году в Литву приехали папские представители. Теперь вопрос о крещении перестал быть только словами в письме. В Вильно об этом знали заранее. За несколько дней до встречи один из жемайтских вельмож сказал Гедимину:

— Если ты примешь их веру, что будет с нами?

— А что должно быть?

— Ты знаешь.

— Скажи.

— Сегодня Орден идёт на нас потому, что мы язычники. Завтра он скажет, что мы плохие христиане.

Гедимин устало ответил:

— Орден скажет то, что ему выгодно.

— Тогда зачем тебе их вера?

Великий князь посмотрел на него.

— Я ещё не сказал, что она мне нужна.

Именно это он повторял и перед посланниками, только другими словами. Он говорил о мире. О христианах в своих землях. О папе. О готовности слушать. Но когда требовалось сделать ясный шаг, которого от него ждали, становился осторожен. Папские люди задавали вопросы. Гедимин отвечал. Каждая сторона пыталась понять, что скрывается за словами другой.

В Мариенбурге ждали известий. Когда они пришли, один из братьев прочитал сообщение до конца и сказал:

— Значит, не крестится.

— Пока не крестится, — поправил другой.

— Есть разница?

— Для нас — да.

На стол легло очередное донесение с Немана. Разведчики видели движение людей у переправ. Спор о письмах закончился сам собой. Нужно было решать, кого отправить к реке. В феврале пришло другое известие. Карл из Трира умер. Мариенбург снова остался без великого магистра. Теперь братьям предстояло выбрать человека, которому поверит Пруссия и которого признают западные дома. Имя Вернера фон Орзельна звучало всё чаще.

ГЛАВА 12

ВЕРНЕР

1324–1330 годы

Известие о смерти Карла из Трира пришло в Мариенбург спустя недели. Вернер фон Орзельн прочитал письмо стоя. Он поддерживал Карла в самые тяжёлые годы, заплатил за это отъездом из Пруссии, потом вернулся и снова занял место среди высших сановников. Последние годы во многом удерживал связь между Мариенбургом и великим магистром на западе.

Теперь этой связи не существовало. Один из братьев спросил:

— Когда собирать капитул?

Вернер сложил письмо.

— Когда успеют прибыть те, кто должен быть здесь.

— Это долго.

— Значит, долго.

Он не хотел, чтобы смерть Карла снова разделила людей на прусских и западных. Но собственное имя Вернера начали называть почти сразу. Он был великим комтуром, знал Мариенбург, служил в Рагните и понимал восточную войну. Особенно важным было другое: после кризиса 1317 года сумел работать рядом с теми, кто тогда оказался по другую сторону. Один из старших братьев спросил:

— Если выберут, согласитесь?

— Если выберут.

— Вы знаете, что выберут.

Вернер посмотрел на него.

— Тогда зачем спрашиваете?

Капитул прошёл без той тяжёлой тени, которая сопровождала спор вокруг Карла. Но Вернер не принимал это за доказательство полного единства. Перед голосованием он поговорил отдельно с несколькими людьми, когда-то выступавшими против Карла.

— Вы считаете меня его человеком? — спросил он одного из них.

— Вы были на его стороне.

— Это не ответ.

Брат помолчал.

— Считаю, что вы тогда поддержали его.

— Да.

— И хотите, чтобы я забыл?

— Нет. Хочу знать, сможете ли вы исполнять приказ человека, с которым раньше были по разные стороны.

— Если приказ законен.

Вернер усмехнулся.

— Вот с этого и начнём.

Он не требовал дружбы. Ему было достаточно, чтобы старый конфликт не превращался в постоянный способ делить людей. Шестого июля 1324 года он стал великим магистром. С первых месяцев Вернер видел главную опасность не там, где ожидали многие. Пруссия была сильнее, чем раньше. Замки, города, хозяйство, торговля — всё росло.

Но сам Орден всё лучше умел быть государством и мог хуже помнить, зачем существует как братство. Внешне ничего не изменилось. Белые плащи. Службы. Устав. Обеты. Только должность всё чаще становилась для человека прежде всего властью. Комтурство — областью управления. Замок — собственным домом. Поход — способом отличиться.

Вернер начал объезжать конвенты. В поездках он избегал заранее подготовленных приёмов. Несколько раз менял день прибытия так, чтобы увидеть дом в обычном состоянии. В одном месте въехал во двор сразу после дождя. Возле склада стояли телеги, часть мешков лежала под плохо натянутым полотном. Вода уже добралась до края груза. Комтур выбежал навстречу.

— Великий магистр, мы вас ждали завтра.

— Я тоже.

Вернер подошёл к мешкам.

— Что здесь?

— Зерно.

— Для кого?

— Для гарнизона.

— Почему под дождём?

Комтур начал объяснять, что склад переполнен, люди заняты, крыша в одном помещении протекает. Вернер слушал.

— Сколько испортится?

— Немного.

— Тогда завтра выбросите немного хлеба и скажете гарнизону, что это тоже немного.

Он не наказал комтура. Заставил немедленно переставить груз и прислал позже мастера посмотреть крышу. Для него дисциплина заключалась и в этом. Не только в молитве и обете. В привычке доводить простое дело до конца до того, как оно становится проблемой для всех. В одном прибыл к вечерней службе и увидел, что нескольких братьев нет. Комтур объяснил:

— Один в конюшне. Второй принимает обоз. Третий только вернулся.

— Кто решил, что это важнее общей службы?

Комтур помолчал.

— Я.

— Значит, отвечаете вы.

Наказания не последовало. Позже Вернер говорил с братьями.

— На границе всегда найдётся дело важнее молитвы. Конь заболеет. Гонец приедет. Противник покажется у реки. Если каждый раз выбирать дело, служба останется только для дней, когда ничего не происходит.

Молодой брат спросил:

— А если действительно нельзя уйти?

— Тогда нельзя.

— Где граница?

Вернер ответил:

— Если каждый проводит её сам, границы нет.

В другом доме проблема была иной. Братья жили слишком свободно с личными вещами. Родственники присылали дорогую одежду, хорошее оружие, предметы, которые человек начинал называть своими. Вернер спросил комтура:

— Если брат умрёт, кому это останется?

— Ордену.

— Тогда почему сейчас вы называете это его собственностью?

Он не видел греха в добротной вещи. Опасность заключалась в слове «моё» внутри братства, построенного на отказе от личного имущества. Но одного надзора Вернеру было мало. Можно заставить человека прийти на службу. Нельзя приказом заставить его понимать, зачем он пришёл. Поэтому великий магистр всё чаще обращался к прошлому Ордена.

В эти годы священник Пётр из Дусбурга собирал хронику Пруссии. Он работал со старыми записями, рассказами людей, документами. Писал о первых крепостях, восстаниях, поражениях, голоде, победах и смерти братьев. Вернер просил читать отдельные части вслух за общей трапезой. Братья сначала слушали как военные рассказы. Потом некоторые узнавали собственные замки.

Место, где они сегодня спокойно считали зерно, в рассказе оказывалось крепостью, где люди когда-то не знали, доживут ли до следующего дня. Однажды после чтения Вернер спросил Петра:

— Для кого пишете?

— Для братьев.

— Нынешних?

— И тех, кто придёт после нас.

Вернер посмотрел на рукопись.

— Что должны запомнить нынешние?

Пётр подумал.

— Что получили не то, что досталось без труда.

— Тогда пишите так, чтобы читать было не слишком удобно.

Пётр улыбнулся.

— Неудобно?

— Если только приятно, пользы мало.

Хроника становилась частью того, что Вернер считал внутренней обороной Ордена. Но за стенами государства положение осложнялось. Польша и Литва сближались. В 1325 году королевич Казимир женился на дочери Гедимина Альдоне, принявшей крещение. На совещании один из братьев сказал:

— Язычник отдаёт дочь христианину.

— Она крестилась, — заметил Вернер.

— Отца это не меняет.

— Нет.

— Тогда что меняется?

Вернер посмотрел на карту.

— У Польши появляется родственник в Вильно.

Это значило больше, чем вопрос веры одной княжны. Династический брак мог связать интересы двух соседей Ордена. Вернер искал противовес. Поддерживал отношения с Мазовией. Следил за Силезией. Особенно внимательно смотрел на Иоанна Богемского, чьи притязания на польскую корону делали его естественным противником Владислава Локетка. Брак Казимира и Альдоны Вернер обсуждал не один раз.

Через несколько месяцев после известия в Мариенбург пришёл отчёт о движении польских и литовских посланников. Великий магистр разложил его рядом с картой.

— Если это союз, где они могут ударить вместе?

Маршал показал несколько направлений.

— Пруссия. Мазовия. Или через другие земли против наших союзников.

— А если союз нужен им только для давления?

— Тогда мы потратим деньги на подготовку зря.

Вернер посмотрел на него.

— Деньги, потраченные на готовность, раздражают меньше земли, потерянной потому, что мы решили сэкономить.

Но он не хотел отвечать только войском. Посланники пошли к мазовецким князьям. Переписка усилилась с Силезией. Людей отправляли к Иоанну Богемскому. Каждый союзник требовал своей цены, даже если цена не выражалась серебром. Мазовецкий князь хотел безопасности собственных границ. Силезские правители — поддержки в своих спорах.

Иоанн Богемский видел в польском конфликте возможность укрепить собственные притязания. Вернер принимал это без раздражения.

— Бескорыстные союзники бывают в проповеди, — сказал он одному из братьев. — В договоре лучше заранее знать, что человеку нужно.

В 1327 году война с Польшей стала шире. В 1329 году в Пруссию прибыл Иоанн Богемский и западные рыцари. Приём короля потребовал от Мариенбурга почти столько же забот, сколько небольшой поход. Нужно было разместить людей, коней, свиту, обеспечить корм, определить порядок совместного командования. Западные рыцари приезжали со своими привычками и представлением о крестовом походе, которое не всегда совпадало с опытом тех, кто годами воевал на Немане.

За ужином один молодой гость восторженно говорил о том, что хочет увидеть настоящий бой с язычниками. Сидевший рядом прусский брат спросил:

— Вы были в походе зимой?

— Нет.

— Тогда сначала увидите настоящий холод.

Гость рассмеялся, решив, что это шутка. Прусский брат не улыбнулся. На совещании Вернер отдельно предупредил людей, которые поведут гостей:

— Не позволяйте им искать славу отдельно от колонны.

— Они приехали воевать.

— Именно поэтому.

— Не доверяете?

— Доверяю их храбрости. Меньше доверяю человеку, который хочет рассказать дома историю лучше, чем у соседа.

Он слишком хорошо знал, как быстро желание отличиться разрушает общий порядок. Для гостей поход против Литвы мог быть крестовым предприятием и рыцарской славой. Для Мариенбурга — частью постоянной войны, которую придётся продолжать после их отъезда. Вернер принимал союзников достойно, но не позволял превращать войну в праздник.

Вернер уделял много внимания ещё одному виду дисциплины, о котором не любили говорить на торжественных капитулах: отношению к подданным. Орден имел право требовать повинности, брать платежи, использовать подводы, призывать людей на работы. Но право легко превращалось в привычку брать больше, если никто не спрашивает, сколько именно было нужно.

Однажды великому магистру принесли жалобу из деревни. Люди комтура забрали несколько подвод для хозяйственных работ. Вернули позже обещанного. Одна лошадь погибла. Комтур считал вопрос мелким.

— Работы были для Ордена.

— Я не спрашиваю, зачем взяли подводу, — сказал Вернер.

— Тогда что?

— Почему не возместили лошадь.

— Она могла погибнуть и у хозяина.

— Но погибла у нас.

— Если возмещать всё, люди начнут приносить больных животных и говорить, что они умерли на службе.

Вернер посмотрел на жалобу.

— Поэтому существует проверка. Не отказ платить всем заранее.

Комтур вздохнул.

— Для казны это ничто.

— Именно.

— Тогда почему столько разговора?

Вернер поднял глаза.

— Потому что для человека это не ничто.

Стоимость животного выплатили. Вернер не считал решение милостью. Государство, которое может потребовать у крестьянина последнюю рабочую лошадь и не считает нужным отвечать за её потерю, однажды обнаружит, что у человека больше нет причины беречь порядок, установленный этой властью. Прусские восстания произошли слишком недавно, чтобы забыть подобное.

Другой спор касался самого конвента. Молодой брат получил взыскание за нарушение порядка накануне похода. Старший заступился:

— Он хорошо сражается.

Вернер ответил:

— Тогда пусть научится так же хорошо подчиняться.

— На поле важнее первое.

— Только пока он выполняет приказ.

Для Вернера дисциплина никогда не была противоположностью военной силы. Она была способом не превратить десятки храбрых людей в толпу, где каждый выбирает собственную битву. К 1330 году внутри Ордена стало спокойнее, чем в годы Карла. Люди, бывшие противниками, снова сидели за одним столом. Управление работало. Мариенбург укреплялся в роли главного дома.

Вечером восемнадцатого ноября Вернер закончил дневные дела раньше обычного. До службы оставалось немного времени. На столе лежала незаконченная записка о поставках для одного из замков. Он отложил её до утра, поднялся и направился в церковь. Во дворе уже темнело. Братья шли на вечернюю молитву небольшими группами. Вернер вошёл вместе с ними.

ГЛАВА 13
УБИЙСТВО В МАРИЕНБУРГЕ

18 ноября 1330 года

К вечеру Мариенбург затихал раньше, чем летом. Ноябрьский свет уходил быстро. Несколько минут держался на верхних участках стен, потом красный кирпич темнел под низким небом. От Ногата тянуло сыростью. Ветер проходил по двору, забирался в проходы, гасил плохо защищённые огни. В канцелярии писари складывали грамоты, с которыми предстояло продолжить работу утром. В хозяйственных помещениях проверяли запасы. В конюшнях давали корм лошадям. У ворот менялся караул.

Обычный вечер большого замка. Вернер фон Орзельн завершал дневные дела. Последние месяцы не давали передышки. От Польши приходили тяжёлые известия. На востоке продолжалась война с Литвой. Из комтурств требовали людей, денег, решений. Он отложил последнюю грамоту. Один из братьев хотел задержать его новым вопросом. Вернер поднял руку.

— После службы.

Брат отступил. Великий магистр вышел. Он сам много лет требовал именно такого порядка. Дела государства не заканчиваются. Если ждать часа, когда они закончились, для молитвы не останется времени. В церковь братья входили небольшими группами. Каменные стены удерживали голоса. Горели свечи. Пахло воском и холодом. Белые плащи с чёрными крестами вставали рядом.

Здесь должности хотя бы на короткое время должны были отступать. Великий магистр. Комтур. Маршал. Казначей. В церкви каждый оставался братом. Для Вернера это имело особый смысл после кризиса Карла из Трира. Тогда одинаковый плащ не означал доверия. Теперь ему казалось, что братство снова научилось жить без постоянного внутреннего подозрения.

Служба закончилась. Вернер направился к Золотым воротам. Позади шли люди его окружения. Среди них нотариус Иоганн Вайс. Возле выхода стоял Иоганн фон Эндорф. Само его присутствие не могло насторожить. Он тоже был братом Ордена. Носил тот же плащ. Жил по тому же уставу. Вернер вышел.

Эндорф шагнул навстречу слишком быстро. Иоганн Вайс увидел движение прежде, чем понял смысл. В руке блеснул металл.

Нож.

Первый удар пришёлся великому магистру в грудь. Вернер отшатнулся. Кто-то вскрикнул. Эндорф ударил снова. Белая одежда почти сразу потемнела от крови. Люди бросились вперёд. Один схватил Эндорфа за плечо. Тот вырвался. Другой ударил его сбоку. В тесном проходе братья столкнулись друг с другом, ещё не понимая, есть ли второй нападавший. Вернер сделал шаг. Колени подломились. Его успели подхватить.

— Держите!

Крик относился и к великому магистру, и к убийце. Эндорфа повалили. Несколько слуг навалились сверху, выкручивая руку. Нож упал на камень. Вернера уже несли обратно внутрь. Один брат прижимал ткань к ране. Кровь проходила сквозь неё.

— Священника!

— Врача!

Команды звучали одна поверх другой. На несколько мгновений Мариенбург потерял привычный порядок. Вернера положили в ближайшем помещении. Людей оказалось слишком много. Священнику пришлось дважды приказать лишним выйти. Одежду разрезали возле раны. После первого взгляда люди рядом замолчали. Вернер дышал тяжело. Открыл глаза. Кто-то наклонился, пытаясь понять, хочет ли он говорить.

Губы шевельнулись. Слов не разобрали. Священник начал молитву. Через несколько минут великий магистр перестал дышать. Никто не произнёс это сразу. Священник сказал первым:

— Великий магистр умер.

Иоганн Вайс смотрел на кровь на собственных руках. Он не заметил, когда успел испачкаться. Вернер фон Орзельн умер в нескольких шагах от собственной церкви. Не на войне. Не

при осаде. От ножа брата Ордена. Эндорфа закрыли под стражей. Его связали так туго, что руки начали синеть. Он почти не сопротивлялся.

Это пугало сильнее крика. Несколько братьев требовали привести его немедленно.

— На допрос.

— Сейчас!

Другие остановили.

— Он убил великого магистра.

— Поэтому мы не будем решать ножом.

Ответ заставил замолчать. Вернер годами говорил о том, что правило имеет значение именно тогда, когда у человека есть сильная причина его нарушить. Первое испытание после его смерти пришло сразу. Эндорфа оставили под охраной. Но вопрос уже стоял во всех разговорах.

Почему? Никто не знал. Во дворе собирались небольшие группы.

— Кто ещё?

— Что значит «кто ещё»?

— Кто с ним?

— Никого не видели.

— Значит, не видели.

Один брат вспоминал, что Эндорф в последние месяцы вёл себя странно. Другой утверждал, что ничего не замечал. Кто-то говорил о наказаниях. Другой отвечал, что взыскания получали многие. После преступления любое прежнее движение убийцы вдруг начинало выглядеть знаком. Люди перебирали память, пытаясь обнаружить то, чего не увидели раньше.

Ничего ясного не складывалось. В одном из помещений начался спор, который едва не закончился дракой. Двое братьев требовали немедленно вывести Эндорфа во двор и заставить отвечать перед всеми. Один из них служил с Вернером ещё до его избрания и говорил так громко, что люди в коридоре останавливались.

— Он сидит за стеной, а великий магистр лежит мёртвый!

— Именно поэтому он сидит за стеной.

— Вы хотите его защищать?

— Я хочу, чтобы завтра мы могли сказать, что Орден не превратился в толпу через час после убийства главы.

— Он не заслуживает суда.

— Тогда зачем вообще нужны наши правила?

Брат ударил ладонью по столу.

— Не говорите мне сейчас о правилах.

Ответ последовал тихо:

— Вернер говорил о них именно для таких часов.

Гнев не исчез. Но человек сел. Через некоторое время попросил вина, выпил несколько глотков и закрыл лицо руками. Никто больше не спорил. Смерть Вернера превращала его требования к дисциплине из привычных слов в обязанность, которую теперь приходилось выполнять без него. Ворота усилили. На стенах выставили дополнительные караулы.

Никто не знал, один ли Эндорф. Если были сообщники, они могли находиться внутри. Если нападение было частью чего-то большего, ночь ещё не закончилась. Проверяли, с кем он говорил. Куда ходил. Кто входил к нему. Слишком мало необычного. Именно это тревожило. Иоганна Вайса вызвали для подробного рассказа. Писарь записывал.

— Где стоял Эндорф?

Вайс показал.

— Великий магистр видел его?

— Не знаю.

— Что-нибудь сказал?

— Я не слышал.

— Сколько ударов?

Вайс закрыл глаза.

— Два видел точно.

— Только два?

— Я сказал: видел два.

Писарь записал именно это. Ночь прошла без сна. Возле тела Вернера горели свечи. Братья приходили по одному. Одни молились долго, другие стояли несколько минут и уходили. Отдельно сидели старшие сановники. Им приходилось говорить о том, о чём хотелось думать меньше всего. Кто управляет завтра? Польская война не остановится из уважения к трауру.

Литва не закроет границу. Гарнизоны должны получать хлеб. Комтуры — распоряжения. Один из братьев сказал:

— Нельзя позволить, чтобы утром кто-то решил, будто здесь мятеж.

Все поняли. На рассвете ворота открыли вовремя. Обозы вошли. Гонцы выехали. Писари вернулись к столам. Некоторые документы пришлось переделывать: имя Вернера уже нельзя было ставить там, где требовалось действующее распоряжение. Эндорфа начали расспрашивать. Первый разговор длился недолго. Эндорфа посадили напротив трёх братьев. Руки оставили связанными. На столе не было ничего, кроме светильника и листа для записи.

— Почему вы напали на великого магистра?

Он посмотрел на спрашивавшего и не ответил. Вопрос повторили.

— Он знал.

— Что знал?

Эндорф отвернулся.

— Что именно знал Вернер?

— Всё.

Писарь остановил перо. Такой ответ можно было истолковать как угодно и потому он не объяснял ничего.

— Кто-нибудь говорил с вами об этом?

— Все говорят.

— Кто?

Эндорф назвал несколько людей, но когда стали уточнять, выяснилось, что речь идёт об обычных разговорах в конвенте, часть которых происходила месяцы назад. Один из допрашивавших раздражённо спросил:

— Вы понимаете, что убили великого магистра?

Эндорф поднял глаза. На мгновение в его лице появилось что-то похожее на страх.

— Он умер?

В комнате стало совсем тихо. Брат напротив медленно ответил:

— Да.

Эндорф опустил голову. После этого из него не удалось получить почти ничего связного. Когда дверь закрылась, один из присутствовавших сказал:

— Притворяется.

Другой покачал головой.

— Не знаю.

— Очень удобно не знать после убийства.

— Но мы действительно не знаем.

И именно это раздражало сильнее всего. Ясности не прибавилось. Он отвечал сбивчиво. Иногда будто понимал, что сделал. Через минуту замыкался и смотрел в сторону. Один брат

считал всё притворством. Другой говорил, что человек болен разумом. Третий требовал не делать вывода раньше разбирательства. Остановились на последнем.

Иоганн Вайс в ту ночь почти не спал. Он несколько раз умывал руки, хотя крови на них уже не было. Перед глазами всё равно оставался момент, когда Эндорф сделал шаг.

Утром его снова попросили рассказать последовательность событий. Вайс раздражённо ответил:

— Я уже рассказывал.

— Расскажите снова.

— Зачем?

— Чтобы понять, что вы вспоминаете одинаково до того, как услышите чужие рассказы.

Это имело смысл. За ночь в замке уже появились версии, которых Вайс не видел. Кто-то говорил, что Эндорф выкрикнул обвинение. Кто-то — что возле него стоял второй человек. Кто-то уверял, будто великий магистр заранее замечал угрозу. Вайс ничего такого не помнил. Он начал снова. Вернер вышел. Эндорф стоял там. Сделал шаг.

Нож. Первый удар. Второй.

— Он что-нибудь сказал до удара?

— Не слышал.

— После?

— Были крики. Не знаю, чьи слова различал.

— Великий магистр видел его заранее?

— Не могу знать.

Писарь несколько раз хотел уточнить формулировку, но Вайс требовал оставлять именно так.

— Не пишите, что не видел. Пишите, что я не знаю.

Эта осторожность была важнее красивой ясности. В замке слишком быстро рождалась легенда. Свидетельство должно было оставаться тем, что человек действительно видел. Через три дня в Мариенбурге находились четыре прусских епископа. Событие было слишком тяжёлым, чтобы оставлять его только внутренним делом братства. Они выслушали свидетелей. Иоганн Вайс снова рассказывал то, что видел вечером восемнадцатого ноября.

Вопросы задавались тщательно. Где находился великий магистр. Откуда подошёл Эндорф. Какое оружие держал. Кто задержал. Были ли рядом другие вооружённые люди. Из свидетельств складывалась короткая последовательность. Вечерняя молитва. Выход из церкви. Эндорф.

Нож.

Смерть. Больше пока доказать не удавалось. Вернера готовили к погребению. Когда гроб вынесли во двор, работа остановилась. Стояли братья, слуги, мастера, стражники. Те, кто видел великого магистра каждый день, и те, кто лишь несколько раз замечал его на расстоянии. Процессия пошла в Мариенвердер. Осенняя дорога была тяжёлой. Колёса вязли. Лошади ступали осторожно.

Вернера похоронили в соборе. Обратная дорога была тяжелее пути к погребению. Когда везли тело, у процессии была одна общая обязанность. Теперь братья возвращались в Мариенбург и снова становились людьми с разными должностями и разными вопросами. В одной из повозок ехали великий комтур и два старших брата. Долго молчали. Потом один сказал:

— Нельзя ждать обычного срока.

— С выборами?

— Да.

— Люди не успеют прибыть.

— Тогда выбирать без них?

— И получить новый спор о законности?

Великий комтур покачал головой.

— Нет. Сообщения отправить сегодня. Пусть едут быстро, но порядок ломать не будем.

Другой брат посмотрел в сторону дороги.

— А если Польша ударит раньше?

— Тогда будем воевать без великого магистра.

— Хорошее начало.

— У нас сейчас нет хороших вариантов.

Эта фраза сопровождала их до самого Мариенбурга. В замке уже ждали новые донесения. Одно касалось польской границы. Другое — снабжения. Третье — денег. Смерть главы не отменила ни одного из них. Только сделала каждое решение временным и потому тяжелее.

После службы братья не расходились сразу. Они знали: следующая обязанность уже ждёт. Нужно выбирать нового великого магистра. В Мариенбурге всё чаще звучало имя Лютера Брауншвейгского. Ордену требовался человек, которого признают быстро. Не потому, что время стало спокойнее. Потому что спокойствия больше не было. Братья возвращались в замок молча, понимая, что утром им снова придётся сидеть за одним столом.

ГЛАВА 14
ПОЛЬСКАЯ ВОЙНА

1331 год

После смерти Вернера Мариенбург прожил почти три месяца без великого магистра. Орден особенно старался показать, что убийство главы не нарушило управление. Высшие сановники продолжали исполнять обязанности. Гарнизоны получали снабжение. Казна работала. Из замка выходили распоряжения. Но война с Польшей не позволяла долго жить временным порядком.

Перемирие, заключённое осенью, давало передышку. Спор о Померелии и Добжиньской земле должны были рассудить король Венгрии Карл Роберт и король Богемии Иоанн. В Мариенбурге мало кто верил, что Владислав Локетек откажется от земли только потому, что два государя предложат ему это сделать. Первые недели после убийства показали, насколько многое в управлении держалось на привычке к подписи одного человека.

Некоторые решения великий комтур мог принять сам. Другие формально требовали главы Ордена. В канцелярии начали складывать отдельную пачку документов — те, которые нельзя завершить до избрания. Пачка росла. Однажды писарь принёс её на совещание.

— Это всё ждёт?

— Да.

— Что самое срочное?

— Назначение в одном из комтурств. Подтверждение расходов. Ответ по польскому перемирию. Ещё спор с городом.

Один из братьев сказал:

— Значит, выбираем быстрее.

Великий комтур ответил:

— Быстро выбрать плохого великого магистра дольше, чем подождать хорошего.

Эта осторожность раздражала военных, но после Карла и Вернера никто не хотел нового внутреннего кризиса поверх внешней войны. Семнадцатого февраля братья избрали Лютера Брауншвейгского. Он был уже немолод. Происходил из княжеского рода, но большую часть жизни провёл в Ордене. Управлял Голлубом, Христбургом, занимался хозяйством и заселением земель.

В кабинет великого магистра он вошёл без ощущения, что получил награду. На столе лежало перемирие.

— Карл Роберт и Иоанн должны вынести решение, — сказал один из братьев.

— Должны.

— Значит, ждём.

Лютер указал на донесения.

— Польский король тоже ждёт.

Все понимали смысл. Перемирие имеет значение до дня, когда одна сторона решает, что война даст больше, чем новый разговор. Лютер назначил Дитриха фон Альтенбурга великим маршалом. Первый их длинный разговор прошёл не о походе, а о состоянии войска. Дитрих принёс списки из нескольких комтурств.

— Людей на бумаге достаточно.

— А в действительности?

— Часть больна. Часть коней непригодна для длинного похода. В двух местах задержаны поставки.

Лютер перелистнул листы.

— Почему тогда здесь стоят полные числа?

— Потому что такова обязанность выставить.

— Мне нужна не обязанность. Мне нужно знать, кто выедет из ворот.

Дитрих посмотрел на великого магистра и кивнул.

— Поэтому я принёс второй список.

Он положил рядом другой лист. Там цифры были меньше. Лютер усмехнулся.

— Теперь понимаю, почему выбрал вас.

— Я ещё могу отказаться.

— Уже нет.

Они начали считать заново: сколько братьев, сколько служилых людей, сколько лошадей, какие обозы можно собрать без того, чтобы опустошить гарнизоны. Политический план приходилось переводить в количество мешков овса. Лютер не возражал. Он сам много лет занимался хозяйством и знал: армия перестаёт быть армией в тот день, когда у неё заканчивается корм, даже если на карте стрелка наступления выглядит прекрасно.

Дитрих давно служил на границе и знал, что война редко выглядит так, как её рисуют на совещании.

— Почему я? — спросил он.

— Потому что спрашиваете.

— Слабая причина.

— Хорошо. Вы знаете войну и ещё не начали считать, что всегда знаете, как её вести.

Дитрих усмехнулся.

— После Рагнита это проходит.

— Потому и вы.

Конфликт с Польшей уже не имел одной причины. Для Владислава главным оставалась Померелия. Для Ордена — защита приобретённых земель и собственных союзников. Для Иоанна Богемского — притязания на польскую корону и влияние в Силезии. Мазовецкие князья пытались не оказаться раздавленными между более сильными соседями. Лютер разбирал связи на карте.

— Если Иоанн выступит с юга, полякам придётся делить силы.

Дитрих сказал:

— Если выступит вовремя.

— Поэтому наш план не должен существовать только в случае, если другой государь выполнит всё точно.

— Тогда зачем союз?

— Увеличить наши возможности. Не заменить собственные.

В Кракове Владислав тоже готовился. Он был стар, но привычка к борьбе не исчезла. Его изгоняли, он возвращался. Он терял земли и снова собирал людей. Померелию он считал дол-

гом, оставшимся после 1308 года. На совете молодые рыцари требовали удара. Король спрашивал о другом:

— Где Иоанн Богемский?

— Пока далеко.

— Значит, узнать точнее.

— Орден ближе.

— Ближайшего врага я вижу. Меня интересует тот, которого пока не вижу.

Весна прошла в переговорах. Каждая сторона повторяла аргументы, которые другая знала наизусть. Польша требовала возвращения земель. Орден ссылался на договоры и фактическое владение. Добжиньская земля добавляла новый узел.

Летом стало ясно: договориться не удаётся. Дитрих получил приказ собирать войско. Из комтурств приходили братья, служилые рыцари, прусские всадники, люди городов. Везли зерно, мясо, подковы, запасные ремни. Маршал проверял снабжение.

— Хлеба на восемь дней.

— Если задержимся?

— Возьмём в земле противника.

— А если они уведут всё до нашего прихода?

Молчание.

— Десять дней.

— Обоз станет тяжелее.

— Лучше тяжёлый обоз, чем лёгкий голод.

Перед выступлением Дитрих объехал часть собранных отрядов. Разница между ними была заметна. Братья Ордена имели одинаковые плащи, но рядом шли люди городов, прусские служилые всадники, наёмные воины, слуги. У каждого свои привычки, оружие, язык и отношение к походу. В одном отряде он увидел слишком много запасных вещей на телеге.

— Чьи сундуки?

Слуга назвал рыцаря. Дитрих вызвал его.

— Вы едете воевать или переселяться?

— Там одежда и личное.

— Половину оставить.

— Но…

— Когда телега застрянет, вы будете вытаскивать её сами?

Рыцарь посмотрел на тяжёлый сундук.

— Половину.

У другого отряда не хватало подков.

— Купим по дороге.

Дитрих покачал головой.

— В земле противника?

— В польских городах есть кузнецы.

— Они будут ждать вас с товаром у ворот?

К вечеру недостающее нашли в соседнем складе. Такие проверки не выглядели героически. Но именно из них складывалась возможность пройти сотни миль и не превратить поход в толпу людей, ищущих еду и железо. В июле войско перешло Вислу. Летний зной поднимал пыль из-под копыт. К середине дня люди в хвосте колонны видели впереди не всадников, а серое облако.

Через Вышогруд и Быдгощ двигались к Иноврoцлаву, затем дальше на запад. Польские разведчики следили за движением. Жители уводили скот, прятали зерно, уходили в леса. Отряд жил собственными запасами лишь часть пути. Остальное брал там, где шёл. Для воина это было имущество врага. Для крестьянина — зима его семьи.

К концу июля подошли к Пыздрам. До Дитриха дошло известие, что там мог находиться королевич Казимир. Пленение наследника могло изменить войну быстрее захвата нескольких крепостей. Передовые части ускорились. Казимир успел уйти. Город сопротивлялся. Его взяли и разграбили. Начался пожар. Пожар разошёлся быстрее, чем рассчитывали. Ветер тянул огонь с одного ряда домов на другой. Люди Дитриха сначала не обращали внимания: горящий город мешал противнику и лишал его запасов. Потом стало ясно, что пламя угрожает и тем складам, откуда орденские люди уже собирались брать провиант.

— Тушить! — приказал маршал.

Один брат удивился:

— Мы сами подожгли.

— А теперь сами будем тушить.

Вёдра передавали цепью. Городские жители, которые ещё час назад прятались от вооружённых людей, теперь вместе с ними носили воду, потому что огню было безразлично, чья власть победила у ворот. Дитрих увидел старика, сидевшего возле стены с обожжёнными руками.

— Дом?

Тот показал на дым. Маршал хотел идти дальше, но остановился.

— Семья?

Старик назвал людей. Часть нашлась. Одного ребёнка искали до вечера и нашли у монастырской стены. Для Дитриха это не меняло цели похода. Но делало цену видимой.

На следующий день колонна ушла дальше. За ней оставался город, где жители ещё долго будут спорить, кто именно поджёг первый дом и кто спас последний. Дитрих смотрел на огонь без торжества. Главной добычи не было. Остался ещё один сожжённый город. Летний поход нанёс тяжёлый ущерб, но не заставил Владислава принять условия.

Осенью план сделали шире. Орден должен был идти в Великую Польшу и встретиться у Калиша с войском Иоанна Богемского, наступавшим с юга. Если две армии соединятся, Владиславу придётся выбирать, какую часть страны оставить без защиты. Дитрих снова спросил:

— Если Иоанн придёт вовремя?

Лютер вздохнул.

— Да. Если придёт.

Осенний поход начинался совсем иначе, чем летний. Люди уже знали, что Владислав избегает боя, пока положение не станет удобным. Дитрих поэтому особенно требовал сведений о польской армии. Разведчики приходили каждый вечер.

— Видели костры.

— Сколько?

— Много.

— «Много» не число.

— В темноте не посчитаешь.

Другой говорил, что поляки идут севернее. Третий — что король остаётся ближе к Познани. Сведения противоречили друг другу. Дитрих разложил их на столе.

— Какой верим?

Брат рядом ответил:

— Последнему.

— Почему?

— Он свежий.

— Свежая ошибка всё равно ошибка.

В конце концов маршал решил не выбирать один рассказ. На карте отметили все возможные направления. Это делало картину менее ясной, но честнее. Двадцать первого сентября

орденские силы подошли к Калишу. Город не открыл ворота. Началась осада. Дитрих всё чаще спрашивал:

— Где богемцы?

Первый день отсутствие союзника ещё не тревожило. Второй — тревожило. На третий стало ясно: Иоанн задержался в Силезии. Один брат предлагал ждать ещё.

— Он может подойти.

— Может, — ответил Дитрих. — А Владислав точно собирает людей сейчас.

Осада была снята. В Мариенбурге план выглядел стройным. Одна задержка союзника разрушила его половину. Польский король получил известие об отходе.

— Богемцев нет?

— Нет.

Владислав впервые за несколько дней улыбнулся.

— Теперь следом.

— Напасть?

— Следом. Пока они не ошибутся.

После снятия осады настроение в орденской колонне изменилось. Люди не считали себя побеждёнными, но цель похода уже ускользала. Союзника не было. Калиш остался за спиной. Польская армия шла где-то рядом. Один молодой брат спросил Дитриха:

— Почему не ждём Иоанна ещё день?

— Потому что этот день нужен Владиславу так же, как нам.

— Но если богемцы придут завтра?

— Тогда завтра им придётся искать нас в другом месте.

— Получается, мы не доверяем союзнику.

Дитрих посмотрел на него.

— Я не доверяю расстоянию.

Ответ запомнился лучше длинного объяснения. Ночью возле Конина армии подошли так близко, что едва не начали большое сражение в темноте. Схватки быстро распались. Утром между войсками снова было расстояние. Орден двинулся к Бжесцю-Куявскому. Дороги размокли после дождя. Обоз растягивался. Телеги приходилось вытаскивать руками. Дитрих всё чаще посылал разведчиков в тыл.

— Сколько до поляков?

Ответы расходились. Вечером двадцать шестого сентября часть орденских сил ушла вперёд. Задняя колонна с обозом задержалась. Дитрих приказал усилить дозоры.

— Поляки сегодня не нападали, — заметил брат.

— Поэтому усилить.

В польском лагере разведчик сказал Владиславу:

— Они разделяются.

Король поднял голову.

— Уверен?

— Видел обозы. Часть ушла раньше.

— Сколько осталось?

Разведчик не знал. Этого было достаточно.

— Поднять людей до рассвета.

Ночью над Куявией поднялся густой туман. Возле деревни Пловцы обе армии готовились к утру, не зная точно, насколько близко находятся друг к другу.

ГЛАВА 15

ПЛОВЦЫ

27 сентября 1331 года

Туман лежал над полями так густо, что человек исчезал через несколько десятков шагов. Ночью было сыро. На плащах оседала влага. Земля под копытами размякла. Дитрих фон Альтенбург не любил такую погоду. Дождь хотя бы позволял видеть дорогу. Снег выдавал следы. Туман скрывал всё. Орденское войско двигалось к Бжесцю не одной массой. Передовые силы ушли раньше. Основная часть под командованием Отто фон Лютерберга шла впереди. Дитрих оставался с задней колонной, частью конницы, пехотой и обозом.

— Дозоры вернулись?

— Один.

— Что видел?

— Ничего.

Дитрих посмотрел на брата. Тот добавил:

— Следы поляков. Свежие.

— Где?

— К юго-западу.

Это уже было хуже. В польском лагере Владислав Локетек поднялся до рассвета. Болела спина. После многих дней в седле ноги становились тяжёлыми ещё до того, как человек успевал надеть сапоги. Он никому не жаловался. Разведчики подтвердили: орденская армия разделилась. Король посмотрел на воевод.

— Теперь.

Винцент из Шамотул получил приказ идти первым. Остальные хоругви должны были следовать в тумане. Владислав не хотел бросать всё войско сразу. Сначала нужно было понять, какая часть Ордена задержалась. Первые польские всадники появились перед людьми Дитриха как тёмные фигуры. Потом их стало больше.

— К оружию!

Обоз пытались убрать с дороги. Пехота строилась. Братья подтягивались к знамени. Туман превращал одну армию в множество маленьких групп, каждая из которых видела только ближайших людей. Перед самым столкновением один из орденских дозоров вернулся галопом. Конь был в пене. Всадник кричал ещё до того, как подъехал к Дитриху:

— Справа! Их больше!

— Насколько больше?

— Не видел конца.

В тумане такой ответ мог означать и сотню, и несколько тысяч. Дитрих приказал передать сигнал соседней группе, но гонец почти сразу исчез в серой стене. Маршал не мог знать, дошёл ли приказ. Пехотинцы возле обоза пытались понять, куда разворачивать щиты. Один кричал, что поляки впереди. Другой видел движение слева. Третий вообще не видел никого и считал, что люди пугают друг друга.

Тогда из тумана вылетело первое копьё. Оно ударило в щит и застряло. После этого спор о направлении закончился. Первый удар Винцента пришёлся быстро. Поляки тоже не знали точной численности противника. Остановка означала бы потерю внезапности. Столкновение произошло почти вслепую. Кони. Копья. Щиты. Крики. Первый натиск удалось остановить. Дитрих использовал несколько минут.

— Знамя сюда!

Братья собирались плотнее. Пять отдельных групп постепенно превращались в строй. Один отряд хотел преследовать отступивших поляков.

— Стоять! — крикнул Дитрих.

Он понимал: видимая хоругвь может быть только первой. Туман скрывал остальных. Владислав слышал бой раньше, чем увидел. Металл и крики казались ближе, чем были. Когда проступили очертания орденской группы, король понял: перед ним значительная часть армии, но не вся.

— Сбоку.

Польские хоругви начали обход. Дитрих заметил слишком поздно. Удар пришёл с нескольких направлений. Орденский строй дрогнул. Но удержался. Бой продолжался часами. Туман редел. Поле становилось видно всё лучше: лежащие лошади, сломанные копья, люди на земле. Орденская группа оказалась почти окружена. Дитрих послал гонца к Люттербергу.

Потом второго. Ни один не вернулся. Поляки снова пошли вперёд. На этот раз строй не выдержал. Одна из хоругвей упала. Польские всадники прорвались между группами. Пехота отступала к обозу.

— Стоять!

Дитрих ударил мечом по щиту ближайшего бегущего. Но слово «отходить» уже появилось среди людей. Маршал получил удар в плечо. Доспех выдержал. Второй пришёлся ниже. Конь рухнул. Дитрих оказался на земле, нога зажата. Он успел отбить один удар. Потом его придавили щитом. Меч выбили.

— Живым!

Поляки узнали великого маршала. Его взяли в плен. Дитриха потащили в сторону от схватки. Он пытался идти сам, но повреждённая нога подводила. Двое польских людей держали его за руки.

— Не тяните, — сказал он.

Один не понял языка. Второй понял и усмехнулся.

— Тогда идите.

Маршал сделал несколько шагов и едва не упал. Его всё-таки потащили. Возле польского знамени стояли другие пленные. Один брат был ранен в лицо. Другой держал руку, вывихнутую при падении с коня. Люди смотрели на Дитриха, ожидая от него чего-то — приказа, слова, объяснения. Он сказал только:

— Живы — стойте спокойно.

Это был единственный приказ, который ещё мог отдать пленным. Польский рыцарь рядом спросил:

— Вы маршал?

— Да.

— Значит, дорого стоите.

Дитрих посмотрел на него.

— Сегодня всё дорого стоит.

Рыцарь перестал улыбаться. Рядом сдавались другие братья. В польские руки попали орденские знамёна и высокие сановники. Хоругвь принесли к Владиславу. Люди вокруг кричали. Король смотрел на дорогу к Бжесцю. Один рыцарь сказал:

— Победили!

Владислав резко повернулся.

— Тогда где остальные?

Он отправил разведку. Люди начали собирать пленных. После многочасового боя строй рассыпался сам собой. Кто-то искал товарищей. Кто-то тянулся к обозу. Король требовал возвращаться в хоругви. Слишком поздно для полного порядка. Утренний успех начал рассыпать польский порядок быстрее, чем ожидал Владислав. Люди искали знакомых среди пленных. Кто-то уже снимал с погибших оружие. Несколько отрядов двинулись к захваченным телегам. Командиры ругались, требуя вернуться в строй. Король увидел двух рыцарей, споривших из-за хорошего коня.

— Чей?

Оба замолчали.

— Я спросил, чей конь?

Один ответил:

— Орденский.

— Тогда пока ничей. В строй.

Они ушли. Владислав повернулся к воеводе.

— Если сейчас придут остальные, они застанут нас на ярмарке.

Воевода приказал трубить сбор. Сигнал повторили несколько раз. Люди возвращались медленно. Победа требовала дисциплины не меньше, чем бой. И именно после победы её труднее всего требовать. Первый беглец добрался до Отто фон Лютерберга измученным.

— Маршал окружён.

— Где?

Показал направление. Следом пришли другие. Истории различались. Смысл был один: задняя колонна разбита. До Бжесця оставалось немного. Отто мог продолжать поход. И потерять людей, маршала и часть руководства. Решение заняло несколько мгновений.

— Назад.

— Все?

— Все.

Колонна развернулась. Навстречу шли бегущие. Отто останавливал их.

— Там всё кончено! — крикнул один.

— Тогда вернёшься и увидишь.

Белые плащи снова пошли к Пловцам. Владислав получил сообщение:

— Идут. Много.

Он сразу посмотрел на Казимира.

— Ты уедешь.

— Нет.

— Ты наследник.

— Я знаю.

— Тогда веди себя как наследник.

Казимир сжал челюсть.

— А не как сын?

Король приблизился.

— Именно как мой сын ты сейчас уедешь. Если нас разобьют, здесь не должен закончиться польский королевский дом.

Казимир уехал с охраной. Отто фон Лютерберг увидел поле и атаковал почти сразу. Полякам нельзя было позволить закончить перестроение. Новый удар оказался тяжёлым. Уставшие польские хоругви встретили людей, ещё не участвовавших в утреннем бою. Строй качнулся. Устоял. Началась вторая часть сражения. Отто фон Лютерберг сразу увидел главное различие между своими людьми и поляками: его отряды были свежее, но подходили после поспешного разворота и не знали точного положения пленных и собственных разбитых групп.

— Не гнаться за отдельными! — приказал он. — К знамёнам!

Несколько братьев всё же рванули вперёд, увидев товарищей под польской охраной. Отто послал за ними людей.

— Сначала ломаем строй. Потом освобождаем.

— Они там погибнут!

— Если вы разорвёте наш строй, погибнет больше.

Приказ был жестоким именно потому, что был правильным. В нескольких десятках шагов Дитрих видел белые плащи и не понимал, почему свои не идут прямо к пленным. Через минуту понял. Лютерберг бил не туда, где находились они. Он бил туда, где польская линия была слабее. Дитрих впервые за утро почувствовал не надежду, а уважение к человеку, который сумел не подчиниться очевидному желанию спасти своих немедленно.

Теперь туман уже не скрывал противников. Люди дрались среди тел тех, кто погиб утром. Кони спотыкались. Пленные сидели под охраной почти рядом с новым боем. Дитрих увидел белые плащи. Свои. Он попытался подняться. Польский страж толкнул обратно. Маршал не сопротивлялся. Если Отто прорвётся, его освободят без помощи. Если не прорвётся, одна попытка ничего не изменит.

К середине дня польские отряды начали уставать окончательно. Отто увидел слабое место и усилил давление. Одна хоругвь отступила. Потом другая. Владислав бросил последние свежие силы, чтобы закрыть разрыв. Они остановили натиск, но прежнего положения уже не вернули. Король понял: теперь нужно вывести армию без разгрома.

— Отходить.

Воевода переспросил:

— Сейчас?

— Пока можем.

Польские хоругви начали отходить не одновременно. Одни держали бой, другие уходили. Командиры следили, чтобы движение не превратилось в бегство. Дитриха освободили. Он был ранен и почти не мог сесть на коня. Первым спросил:

— Хоругвь?

Ему показали возвращённые знамёна.

— Великий комтур?

Молчание дало ответ. Отто фон Бонсдорф погиб. Лютерберг подъехал позже. Дитрих посмотрел на него.

— Думал, не успеете.

— Я тоже.

Больше говорить не было сил. В польском лагере считали потери. Казимир вернулся. Владислав хотел рассердиться, но только положил руку сыну на плечо. Потом убрал.

— Людей считать.

Приносили сведения. Погибли. Ранены. Пропали. Вернулись. Пленные. Один рыцарь сказал:

— Мы разбили их.

Владислав посмотрел на него.

— Тогда почему они остались на поле после нашего отхода?

Другой ответил:

— Они шли на Бжесць. Теперь не идут.

Король замолчал. Вот это было важно. У Отто был тот же вопрос. Продолжать ли поход? Теоретически Бжесць оставался впереди. Практически вокруг лежало слишком много убитых. Дитрих едва держался. Люди потеряли коней, знамёна, товарищей. Часть руководства погибла или была в плену. Отто спросил маршала:

— Бжесць?

Дитрих поднял голову.

— В Торунь.

Никто не спорил. После польского отхода никто не кричал о победе. Отто приказал прежде всего собрать своих и понять, кто вообще способен продолжать путь. На открытом месте начали складывать оружие, найденное возле погибших. Отдельно сводили уцелевших коней. Пленных поляков держали под охраной, но их оказалось столько, что возник вопрос, кого можно вести с собой. Один из братьев предложил отпустить тяжело раненых.

— Они всё равно не пойдут.

— А легко раненых?

— Эти пойдут обратно к Владиславу.

— Значит, вести всех?

— Чем кормить?

Война снова становилась счётом. Дитрих, которому перевязывали рану, услышал разговор.

— Тех, кого не можем вести и кто не опасен сейчас, оставить, — сказал он.

Брат посмотрел на маршала.

— Они вернутся.

— Если дойдут.

— И снова будут воевать.

Дитрих закрыл глаза от боли.

— Возможно. Но мы не тащим за собой пол-армии только потому, что боимся следующего боя больше нынешнего состояния.

Решение принимали по группам. Ценных пленных и тех, кого можно было обменять, оставляли под охраной. Раненым старались дать помощь настолько, насколько позволяли собственные потери. Ни у кого не было ощущения чистого торжества. Поле слишком наглядно показывало цену обоих успехов этого дня.

Ночью поле не стало тихим. Раненых искали при факелах. Священники переходили от человека к человеку. Люди спали с оружием рядом, если вообще могли спать. Дитрих лежал и смотрел в темноту.

Утром его часть почти уничтожили. Днём его освободили. Орден удержал поле. И всё равно завтра пойдёт не к Бжесцю, а к Торуню. В польском лагере Владислав получил сообщение:

— Орден движется на север.

— Не к Бжесцю?

— Нет.

Король погрел руки над огнём. Казимир сел рядом.

— Значит, мы победили?

Владислав посмотрел на сына.

— Сегодня они не взяли того, за чем шли.

— Это победа?

— Для сегодняшнего дня — хватит.

Утром орденские колонны ушли к Торуню. Польская армия оставалась способной продолжать войну. Орден тоже. Пловцы ничего не закончили. Они только показали обеим сторонам цену следующей ошибки.

ГЛАВА 16
МИР НА ЗАПАДЕ, ПОЖАР НА СЕВЕРЕ

1333–1343 годы

После Пловцев война не закончилась. Орденские силы продолжали действовать в Куявии. Крепости переходили под власть братьев. Дитрих фон Альтенбург, едва оправившись от ран, снова занимался гарнизонами, дорогами и снабжением. Он больше не пытался решить, кто победил под Пловцами. Маршалу важнее было другое. Сколько осталось коней.

Где стоит польская армия. Какой замок способен сопротивляться. Сколько хлеба потребуется гарнизону зимой. К весне 1333 года положение Владислава Локетка было тяжёлым. Орден удерживал Добжиньскую землю и часть Куявии. Старый король продолжал искать путь вернуть утраченное, но тело уже не выдерживало прежнего темпа. В начале марта он лежал в Кракове больным. Возле него сидел Казимир. Владислав говорил мало.

— Поморье.

Сын наклонился.

— Слышу.

— Не забывай.

Казимир понимал цену обещания. Померелия находилась у Ордена почти четверть века. Данциг был укреплён. Мариенбург имел деньги, замки и управление. Одного желания вернуть землю было мало.

— Не забуду.

В последние дни вокруг короля говорили тише, чем обычно. Люди входили по одному. Одни приносили сведения о войне, другие — церковные дела, третьи просто хотели увидеть государя. Владислав раздражался, когда разговор превращался в прощание.

— Я ещё здесь, — сказал он одному из сановников.

— Государь, я только…

— Тогда говори о деле.

Ему рассказали о Куявии. Владислав слушал с закрытыми глазами.

— Гарнизон?

Назвали.

— Люди у нас там есть?

— Есть.

— Значит, не бросать.

Даже на смертной постели он думал не о символе земли, а о том, кто реально способен её удерживать. Позже, оставшись с Казимиром, снова вернулся к Померелии.

— Не обещай мне вернуть завтра, — сказал он неожиданно.

Казимир посмотрел на отца.

— Я не говорил завтра.

— Хорошо.

— Тогда что вы хотите?

Владислав долго дышал, прежде чем ответить.

— Чтобы ты не привык считать чужим то, что я считал нашим.

Это было совсем другое завещание. Не приказ о походе. Память о требовании. Владислав умер второго марта. Королевство осталось молодому человеку. Казимир получил корону вместе с нерешёнными войнами, притязаниями Иоанна Богемского и потерянными землями. На совете часть рыцарей требовала немедленной войны. Казимир спросил:

— Сколько людей можем собрать?

Назвали.

— Сколько месяцев содержать?

Ответ стал менее уверенным.

— А если Иоанн Богемский ударит с юга?

Молчание.

— Если Литва не поможет?

Снова тишина. Король сказал:

— Отец воевал, когда не видел другого выхода. Я не начну войну только затем, чтобы доказать, что способен делать то же самое.

Он выбрал перемирие. Первая встреча с людьми, которым нужно было объяснить это решение, прошла тяжело. Один из старых рыцарей служил Владиславу много лет.

— Государь, если мы остановимся сейчас, Орден решит, что Пловцы нас сломали.

Казимир ответил:

— Если я начну войну только ради того, что они о нас подумают, значит, они уже управляют моими решениями.

— Люди ждут возвращения земель.

— Я тоже.

— Тогда почему не идём?

Казимир встал из-за стола.

— Потому что король отвечает не только за желание вернуть. Ещё за то, чем будет жить страна после попытки.

Он попросил принести сведения о доходах и численности людей. Разговор о чести закончился таблицами и списками. Некоторые ушли недовольными. Но новый король не пытался понравиться отцовским соратникам ценой войны, которую пока не считал возможной выиграть.

В Мариенбурге это решение встретили без насмешки. Лютер Брауншвейгский тоже понимал цену последних лет. Орден удерживал новые земли, но каждое приобретение требовало гарнизона, хлеба, ремонта стен и денег.

— Молодой король хочет времени, — сказал один брат.

— Мы тоже, — ответил Лютер.

— Значит, мир?

— Значит, пока обоим выгодно не воевать.

В апреле 1335 года Лютер умер. Великим магистром стал Дитрих фон Альтенбург. Он принял должность человеком, который слишком хорошо знал цену плохо рассчитанного похода. Поэтому предложение о большой встрече монархов в Вышеграде он воспринял серьёзно. Перед отправлением посольства из Мариенбурга несколько дней выбирали документы. Архивариус принёс целый сундук. Дитрих посмотрел.

— Всё это нужно?

— Если спор пойдёт по каждому основанию — да.

— Послы едут договариваться, а не переселять архив.

— Тогда скажите, какой вопрос зададут первым.

Дитрих не ответил. В итоге взяли меньше, но сделали копии наиболее важных грамот. Отдельно подготовили перечень того, что может быть доставлено позже, если арбитры потребуют. Послам дали инструкцию не соглашаться на формулировку, которая превращала бы возвращение Куявии в признание незаконности всего орденского владения Померелией. Один из них спросил:

— А если без этого Казимир не подпишет?

— Тогда не подпишет.

— И война продолжится?

Дитрих посмотрел на него.

— Мир, который начинается с признания, что мы вообще не имеем права на землю, из-за которой воевали, продержится до первого нового требования.

Переговоры должны были дать уступку. Не капитуляцию. Осенью там собрались король Венгрии Карл Роберт, Иоанн Богемский, Казимир Польский и представители Ордена. Мариенбург отправил не только послов. Архив. Грамоты о Померелии. Сольдинский договор. Старые подтверждения. Права, изложенные на пергаменте. Польская сторона привезла собственные документы. Каждая сторона рассказывала историю так, чтобы другая выглядела нарушителем.

Казимиру нужно было сначала уменьшить угрозу с юга. Иоанн Богемский всё ещё предъявлял права на польскую корону. Договориться с ним было неприятно, но необходимо. Когда разговор перешёл к Ордену, арбитры предложили основу. Куявия и Добжинь должны вернуться Польше. Померелия остаётся Ордену. Казимир не соглашался быстро.

— Почему я должен уступить землю, которую считаю наследственной?

Никто не ответил ему прямо: потому что сейчас не можете взять её силой. Не требовалось. Он понимал. Дитрих в Мариенбурге получил зеркальную проблему.

— Мы взяли Куявию войной, — сказал один из братьев.

— Взяли.

— И теперь отдадим?

— Если это позволит сохранить то, что важнее.

Он указал на Данциг. Померелия означала порт, Вислу, торговлю, связь с Балтикой. Куявия была ценна. Померелия — важнее. Переговоры продолжались годами. В 1337 году обсуждали пленных, амнистию, возвращение земель, права городов. Каждое слово требовало точности. Орденский представитель устало сказал польскому:

— Иногда город взять легче, чем составить предложение.

Тот усмехнулся.

— Город можно взять один раз. Предложение будут читать каждый раз, когда возникнет спор.

В 1339 году польская сторона добилась нового церковного разбирательства. Для Казимира процесс был не отвлечённой юридической игрой. Он встречался с людьми, которые должны были давать показания. Некоторые помнили захват Данцига по рассказам старших. Другие сами пережили войну. Их воспоминания не всегда совпадали. Один свидетель уверенно называл количество погибших. Советник короля спросил:

— Вы сами считали?

— Нет.

— Откуда число?

— Так говорили.

— Кто?

Свидетель назвал людей, часть которых уже умерла. Казимир слушал и нахмурился. После ухода свидетеля сказал:

— Не надо делать слабее хорошее дело плохим доказательством.

— Но число известно всем.

— «Всем» не отвечает на вопрос судьи.

Он требовал того же, чего когда-то требовал Карл из Трира от орденских писарей: различать то, во что сторона верит, и то, что способна доказать человеку, который не обязан соглашаться. Процесс шёл долго. Для обеих сторон он становился ещё одной ареной войны, где оружием были память, грамоты и формулировки. Свидетели рассказывали о захватах, разорениях, правах польской короны. Решение оказалось неблагоприятным для Ордена.

В Мариенбурге письмо читали с раздражением. Один брат сказал:

— Значит, война.

Дитрих спросил:

— Почему?

— Они требуют всё.

— Суд требует.

— Разница?

— Польский король не войдёт в Данциг на следующий день только потому, что получил хорошую бумагу.

Орден обжаловал решение. Казимир тоже не торопился снова собирать армию. Обоим требовалась не формула победы, а устройство, с которым можно жить. Дитрих умер в 1341 году. Шестого января 1342 года великим магистром стал Людольф Кёниг. Он знал государство по казне и хозяйству не хуже, чем другие по полю боя. Перед ним лежали документы почти десятилетних переговоров.

— Что осталось? — спросил он.

Ему начали перечислять спорные формулировки. Людольф остановил.

— Что осталось такого, ради чего стоит снова воевать?

Ответ получился короче. Орден хотел сохранить Померелию. Казимир хотел вернуть Куявию и Добжинь. Остальное можно было договаривать. Людольф Кёниг подошёл к переговорам как казначей, даже став великим магистром. Он попросил посчитать не только земли,

которые Орден должен вернуть, но и стоимость продолжения войны ещё на два года. Казначей принёс расчёт. Людольф прочитал.

— Это без большого литовского похода?

— Да.

— Добавьте один.

— Почему один?

— Потому что если мы строим мир на западе, надо считать, что восток не согласится ждать.

На следующий день сумма стала выше.

— Теперь Эстония, — сказал Людольф после первого известия о восстании.

Казначей посмотрел на него почти с обидой.

— Этого вчера не было.

— Именно.

Великий магистр провёл пальцем по строкам.

— Вот почему я не люблю планы, в которых денег хватает ровно.

Экономический расчёт не решал вопрос мира вместо политики. Но показывал, сколько стоит гордость, если превратить её в ещё несколько лет гарнизонов и походов. Весной 1343 года соглашение стало близким. И тогда с севера пришло известие, которое сразу изменило тон совещаний. Эстония. В ночь на двадцать третье апреля в датской Северной Эстонии началось восстание.

Первые сообщения были противоречивыми. Одно говорило о нескольких сотнях вооружённых людей. Другое — о тысячах. Третье утверждало, что восставшие уже окружили Ревель. Людольф разложил грамоты по времени отправки.

— Это написано раньше.

— Да.

— Значит, число могло вырасти.

— Или первый гонец преувеличил.

Великий магистр посмотрел на карту Эстонии. Для Пруссии она была далеко. Для Ливонии — рядом. Но если датская власть не удержит север, равновесие всего региона изменится.

— Кто ведёт ливонские силы?

Назвали Бурхарда фон Дрейлебена.

— Что просит?

— Пока сведения и готовность помочь.

— Ответить, что готовы.

Один из братьев спросил:

— До окончания польских переговоров?

Людольф посмотрел на него.

— Восставшие не знают, что у нас переговоры.

Так два совершенно разных кризиса оказались на одном столе. На юге спорили о том, как закончить десятилетие войны. На севере люди только брались за оружие. Горели усадьбы. Церкви. Монастырь Падизе. Вооружённые отряды собирались вокруг Ревеля. Датский наместник искал помощи у Ливонского ордена. Людольф прочитал первую грамоту.

— Что делает Ливония?

— Собирает войско.

— Нас просят людей?

— Пока нет.

Великий комтур произнёс последнее слово медленно. Пруссия знала, как начинаются восстания. Сначала горит одна область. Потом оказывается, что огонь уже перешёл дорогу. На

переговорах с Польшей теперь появилось дополнительное давление. Людольф положил эстонское письмо рядом с проектом договора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.